

Feodor Ivanovich
Федоръ Ивановичъ
Tjutchev
ТЮТЧЕВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ



Сборникъ историко-литературныхъ статей

СОСТАВИЛЪ

В. И. Покровский

V. I. Pokrovskii

Москва 1904.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
продаются слѣдующія книги
В. Покровскаго:

Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Щеголихи въ сатирической литературѣ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. Ц. 50 к. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

СОДЕРЖАНІЕ: I. Критика Бѣлинскаго — литературная школа для писателей и общества того времени. — II. Бѣлинскій и Мерзляковъ. — III. Бѣлинскій и Полевой. — IV. Бѣлинскій и Надеждинъ. — V. Бѣлинскій и Шевыревъ. — VI. Булгаринъ, Сопиковскій и Бѣлинскій. — VII. Бѣлинскій, какъ создатель исторіи новой русской литературы. — VIII. Взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію и древнюю книжную словесность. — IX. Ошибочность возрѣній Бѣлинскаго на нѣкоторыя произведенія новѣйшей литературы.

Поэзія, какъ главный факторъ эстетическаго развитія. Ц. 1 р. *Включена Мин. Нар. Просв. въ „Каталогъ книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“.*

Столѣтіе сатирическаго журнала „Что-нибудь отъ бездѣля на досугъ“. Содержаніе: Характеръ сатиры журнала. Общее содержаніе. Отношеніе къ предшественникамъ. Литературная дѣятельность писателя. Ц. 20 к.

О педагогическомъ значеніи класснаго чтенія отрывковъ изъ образцовыхъ писателей. Ц. 60 к.

Отношенія А. С. Пушкина къ отечественнымъ писателямъ. Содержаніе: I. Введеніе. — II. Пушкинъ приглашаетъ другихъ поэтовъ къ служенію музамъ. — III. Радостное привѣтствіе Пушкинымъ произведеній поэтовъ. — IV. Живое участіе Пушкина въ дѣятельности поэтовъ. — V. Уваженіе Пушкина къ достоинству имени писателя. — VI. Альтруистическія и симпатическія чувства Пушкина къ писателямъ. Ц. 20 к.

„Мой досугъ или уединеніе“. (Страница изъ русской журналистики XVIII вѣка.) Ц. 20 к.

Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго по новой русской литературѣ. Ц. 1 р. (8°, 428 стр.) *Допущенъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.*

Историческій хрестоматіи (Сборника историко-критическихъ изслѣдованій) выпуски:

- I вып. О народной словесности. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.
- II „ О книжной словесности XI—XVI вв. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
- III „ О книжной словесности XVI—XVII вв. Ц. 2 р.
- IV „ О Петровской и Елизаветинской эпохахъ и ихъ литературныхъ представителяхъ. Ц. 2 р.
- V „ О ложно-классическомъ направленіи въ иностранной и русской литературахъ. Ц. 2 р. 50 к.
- VI „ Объ европейскомъ просвѣщеніи XVII—XVIII вв. и о вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.

Федоръ Ивановичъ

Тютчевъ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровский.

Цена 15 коп.



МОСКВА.
Типографія Г. Лиснера и А. Гешеля.
Воздвиженка, Крестовоздвиг. пер., д. Лиснера.
1904.



Дозволено цензурою. Москва 30 июня 1904 г.

PG3361

T5

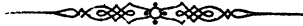
Z84

1904

MAIN

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стран.</i>
Федоръ Ивановичъ Тютчевъ (Биографическій очеркъ), <i>Ив. Аксакова</i> . . .	1
Картины природы въ стихотвореніяхъ Тютчева, <i>его же и Н. Н.</i>	14
Возвышенное въ поэзіи Тютчева, <i>Соловьѣва</i>	26
Творчество Тютчева, <i>Аксакова</i>	42
Особенности содержанія и формы поэзіи Тютчева, <i>И. Т.</i>	46
Личность Тютчева, <i>Аксакова</i>	48



849188

Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.

Федоръ Ивановичъ родился въ 1803 г., 23 ноября, въ родовомъ Тютчевскомъ имѣніи, селѣ Овстугѣ, Орловской губерніи, Брянскаго уѣзда. Тютчевы принадлежали къ старинному русскому дворянству. Отецъ Федора Ивановича, Иванъ Николаевичъ отличался необыкновеннымъ благодушіемъ, мягкостью, рѣдкою чистотою нравовъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Окончивъ свое образованіе въ Петербургѣ, въ Греческомъ корпусѣ, основанномъ Екатериной въ ознаменованіе рожденія великаго князя Константина Павловича, и подъ вліяніемъ мысли о „греческомъ прожектѣ“, — Иванъ Николаевичъ дослужился въ гвардіи до поручика и на 22-мъ году жизни женился на Екатеринѣ Львовнѣ Толстой, которая была воспитана, какъ дочь, родною своею теткою, графинею Остерманъ. Затѣмъ Тютчевы поселились въ Орловской деревнѣ, на зиму переѣзжали въ Москву, гдѣ имѣли собственные дома и подмосковную, — однимъ словомъ, зажили тѣмъ извѣстнымъ образомъ жизни, которымъ жило тогда такъ привольно и мирно почти всему русскому, зажиточному, досужему дворянству, не принадлежавшему къ чиновной аристократіи и не озабоченному государственною службою. Не выдѣляясь ничѣмъ изъ общаго типа московскихъ барскихъ домовъ того времени, домъ Тютчевыхъ — открытый, гостепримный, охотно посѣщаемый многочисленною роднею и московскимъ свѣтомъ — былъ совершенно чуждъ интересамъ литературнымъ, и въ особенности русской литературы. Радушный и щедрый хозяинъ былъ, конечно, человѣкъ разсудительный, съ спокойнымъ, здравымъ взглядомъ на вещи, но не обладалъ ни яркимъ умомъ ни талантами.

Тѣмъ не менѣе, въ натурѣ его не было никакой узкости, и онъ всегда былъ готовъ признать и уважить права чужой, болѣе даровитой природы. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ и по внѣшнему виду (онъ былъ очень худъ и малаго роста), и по внутреннему духовному строю, былъ совершенною противоположностью своему отцу; общаго у нихъ было развѣ одно благодушiе. Зато онъ чрезвычайно походилъ на свою мать, Екатерину Львовну, женщину замѣчательнаго ума, сухощаваго, нервнаго сложенiя, съ склонностью къ ипохондрiи, съ фантазiей, развитою до 'болѣзненности. Отчасти по принятому тогда въ свѣтскомъ кругу обыкновенiю, отчасти, можетъ быть, благодаря воспитанiю Екатерины Львовны, въ домѣ графини Остерманъ, въ этомъ, вполнѣ русскомъ, семействѣ Тютчевыхъ преобладалъ и почти исключительно господствовалъ французскiй языкъ, такъ что не только всѣ разговоры, но и вся переписка родителей съ дѣтьми и дѣтей между собою, какъ въ ту пору, такъ и потомъ, въ теченiе всей жизни, велась не иначе какъ по-французски. Это господство французской руки не исключило однако у Екатерины Львовны приверженности къ русскимъ обычаямъ и удивительнымъ образомъ уживалось рядомъ съ церковно-славянскимъ чтенiемъ псалтирей, часослововъ, молитвенниковъ у себя, въ спальнѣ, и вообще со всѣми особенностями русскаго православнаго и дворянскаго быта. Явленiе, впрочемъ, очень нерѣдкое въ то время, въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX вѣка, когда русскiй литературный языкъ былъ еще дѣломъ довольно новымъ, еще только достоянiемъ „любителей словесности“, да и дѣйствительно не былъ еще достаточно приспособленъ и выработанъ для выраженiя всѣхъ потребностей перенятаго у Европы общежитiя и знанiя. вмѣстѣ съ готовою западною цивилизацiей заимствовалось и готовое, чужое орудiе обмѣна мыслей. Многiе русскiе государственные люди, превосходно излагавшіе свои мнѣнiя по-французски, писали по-русски самымъ неуклюжимъ, варварскимъ образомъ, точно сѣзжали съ торной дороги на жесткiя глыбы только-что поднятой нивы. Но часто, одновременно съ чистѣйшимъ французскимъ жаргономъ, словно перенесеннымъ бурей революцiи изъ Сен-Жерменскаго предместья въ петербургскiе и московскiе салоны, — изъ однихъ и тѣхъ же устъ можно было услышать живую, почти просто-

народную, идиоматическую рѣчь, болѣе народную во всякомъ случаѣ, чѣмъ наша настоящая книжная или разговорная. Разумѣется, такая *устная* рѣчь служила чаще для сношеній съ крѣпостною прислугою и съ низшими слоями общества, — но тѣмъ не менѣе эта грубая противоположность, эта рѣзкая бытовая черта, рядомъ съ вѣрностью бытовымъ православнымъ преданіямъ, объясняетъ многое, и очень многое въ исторіи нашей литературы и нашего народнаго самосознанія.

Иванъ Николаевичъ Тютчевъ умеръ въ 1846 году, а Екатерина Львовна въ 1866, на 90-мъ году жизни, когда ея сыну-поэту было около 63 лѣтъ. Старшій сынъ ихъ Николай родившійся тремя годами ранѣе Федора Ивановича, не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго сходства, ни физическаго ни нравственнаго. Человѣкъ очень умный и начитанный, Николай, Ивановичъ не былъ надѣленъ какими-либо особенными талантами, но отличался строгою аккуратностью, точностью, необыкновенною добротою и скромностью. Страстно любя меньшаго брата, онъ былъ его постояннымъ гениемъ-хранителемъ, — при всякой бѣдѣ, всюду поспѣшалъ къ нему на помощь: привязанность къ „брату Федору“ наполняла всю его жизнь. Дослужившись до чина полковника въ генеральномъ штабѣ, онъ вышелъ въ отставку и проживалъ потомъ то въ деревнѣ, то за границею, то въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1870 году.

Въ этой-то семьѣ родился Федоръ Ивановичъ. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ онъ оказался въ ней какимъ-то особнякомъ, съ признаками высшихъ дарованій, а потому тотчасъ же сдѣлался любимцемъ и баловнемъ бабушки Остерманъ, матери и всѣхъ окружающихъ. Это баловство, безъ сомнѣнія, отразилось впоследствии на образованіи его характера: еще съ дѣтства сталъ онъ врагомъ всякаго принужденія, всякаго напряженія воли и тяжелой работы. Къ счастью, ребенокъ былъ чрезвычайно добросердеченъ, кроткаго, ласковаго нрава, чуждъ всякихъ грубыхъ наклонностей; всѣ свойства и проявленія его дѣтской природы были скрашены какою-то особенностью, изящною духовностью. Благодаря своимъ удивительнымъ способностямъ, учился онъ необыкновенно успѣшно. Но уже и тогда нельзя было не замѣтить, что ученіе не было для него трудомъ, а какъ-бы удовлетвореніемъ естественной потребности знанія. Въ этомъ отношеніи баловницею Тютчева являлась сама его талантливость.

Къ чести родителей Тютчева надобно сказать, что они ничего не щадили для образованія своего сына, и по десятому его году, немедленно послѣ изгнанія французовъ, пригласили къ нему воспитателемъ Семена Егоровича Раича. Выборъ былъ самый удачный. Человѣкъ ученый и вмѣстѣ вполне литературный, отличный знатокъ классической древней и иностранной словесности, Раичъ сталъ извѣстенъ въ нашей литературѣ переводами въ стихахъ *Виргиліевыхъ „Георгикъ“*, *Тассова „Освобожденнаго Іерусалима“* и *Аріостовой поэмы „Неистовый Роландъ“*. Въ домѣ Тютчевыхъ онъ пробылъ семь лѣтъ; тамъ одновременно трудился онъ надъ переводами латинскихъ и итальянскихъ поэтовъ и надъ воспитаніемъ будущаго русскаго поэта. Кромѣ того, онъ самъ писалъ недурные стихи. Въ двадцатыхъ годахъ, — уже послѣ того, какъ Раичъ изъ дома Тютчевыхъ перешелъ къ Николаю Николаевичу Муравьеву, основателю знаменитаго Училища Колонновожатыхъ, для воспитанія меньшаго его сына, извѣстнаго впоследствии писателя Андрея Николаевича Муравьева, — онъ сдѣлался центромъ особеннаго литературнаго кружка, гдѣ собирались Одоевскій, Погодинъ, Ознобишинъ, Путьята и другіе замѣчательные молодые люди, при содѣйствіи которыхъ Раичъ и издалъ нѣсколько альманаховъ. Позже, онъ же два раза принимался издавать журналъ „Галатею“. Это былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывавшій въ мірѣ идиллическихъ мечтаній, самъ олицетворенная буколика, соединявшій солидность ученаго съ какимъ-то дѣвственнымъ поэтическимъ пыломъ и младенческимъ незлобіемъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія; извѣстный Кіевскій митрополитъ Филаретъ былъ ему родной братъ.

Нечего и говорить, что Раичъ имѣлъ большое вліяніе на умственное и нравственное сложеніе своего питомца и утвердилъ въ немъ литературное направленіе. Подъ его руководствомъ, Тютчевъ превосходно овладѣлъ классиками и сохранилъ это знаніе на всю жизнь: даже въ предсмертной болѣзни, разбитому параличемъ, ему случалось приводить на память цѣлыя строки изъ римскихъ историковъ. — Ученикъ скоро сталъ гордостью учителя, и уже 14 лѣтъ перевелъ очень порядочными стихами посланіе Горация въ Мecenату. Раичъ, какъ членъ основаннаго въ 1811 году въ Москвѣ

Общества Любителей Россійской словесности, не замедлил представить этотъ переводъ Обществу, гдѣ, на одномъ изъ обыкновенныхъ засѣданій, онъ былъ одобренъ и прочтенъ вслухъ славнѣйшимъ въ то время московскимъ критическимъ авторитетомъ—Мерзляковымъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ чрезвычайномъ засѣданіи марта 30-го 1818 года, Общество почтило 14 лѣтняго переводчика званіемъ „сотрудника“, самый же переводъ напечатало въ XIV части своихъ „Трудовъ“. Это было великимъ торжествомъ для семейства Тютчевыхъ и для самого юнаго поэта. Едва ли, впрочемъ, первый литературный успѣхъ не былъ и послѣднимъ, вызвавшимъ въ немъ чувство нѣкотораго авторскаго тщеславія.

Въ этомъ же 1818 году Тютчевъ поступилъ въ Московскій университетъ, т. е. сталъ ѣздить на университетскія лекціи, и сперва—въ сопровожденіи Раича, который впрочемъ вскорѣ, именно въ началѣ 1819 года, разстался съ своимъ воспитаникомъ. Въ университетѣ Тютчевъ близко познакомился съ студентомъ Погодинымъ, который былъ старше его тремя годами и старше по курсу.

Со вступленіемъ Тютчева въ университетъ, домъ его родителей увидѣлъ у себя новыхъ, небывалыхъ въ немъ доселѣ посѣтителей. Радужно принимались и угощались стариками и знаменитый Мерзляковъ, и преподаватель греческой словесности въ университетѣ, Оболенскій, и многіе другіе ученые и литераторы: собесѣдникомъ ихъ былъ 15 лѣтній студентъ, который смотрѣлъ уже совершенно „развитымъ“ молодымъ человѣкомъ и съ которымъ всѣ охотно вступали въ серьезные разговоры и пренія. Такъ продолжалось до 1821 года.

Въ этомъ году, когда Тютчеву не было еще и 18 лѣтъ, онъ сдалъ отлично свой послѣдній экзаменъ и получилъ кандидатскую степень. По всѣмъ соображеніямъ родныхъ и знакомыхъ, предъ нимъ открывалась блестящая карьера. Но честолюбивые виды отца и матери мало тревожили душу безпечнаго кандидата. Предоставивъ рѣшеніе своей будущей судьбы старшимъ, самъ онъ весь отдался своему настоящему. Жаркій поклонникъ женской красоты, онъ охотно посѣщалъ свѣтское общество и пользовался тамъ успѣхомъ. Но ничего похожаго на буйство и разгулъ не осталось въ памяти объ немъ у людей, знавшихъ его въ эту первую пору молодости. Да, буйство и разгулъ и не свойственны были его

природѣ: для него имѣли цѣну только тѣ наслажденія, гдѣ было мѣсто искреннему чувству или страстному поэтическому увлеченію. Не осталось также, за это время, никакихъ слѣдовъ стихотворческой дѣятельности: домашніе знали, что онъ иногда забавлялся писаньемъ остроумныхъ стишковъ на разные мелкіе случаи,—и только.

Въ 1822 году Тютчевъ былъ отправленъ въ Петербургъ, на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Но въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года его родственникъ, знаменитый герой Кульмской битвы, потерявшій руку на полѣ сраженія, графъ А. И. Остерманъ-Толстой посадилъ его съ собой въ карету и увезъ за границу, гдѣ и пристроилъ сверхштатнымъ чиновникомъ къ русской миссіи въ Мюнхенѣ. „Судьбѣ угодно было вооружиться послѣднею рукою Толстого (вспоминаетъ Ѳедоръ Ивановичъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ брату, лѣтъ 45 спустя), чтобъ переселить меня на чужбину“.

Это былъ самый рѣшительный шагъ въ жизни Тютчева, опредѣлившій всю его дальнѣйшую участь.

На козлахъ той кареты, которая увезла графа Остермана-Толстого и 18 лѣтняго Тютчева за границу, усѣлся и благополучно прибылъ въ Мюнхенъ вмѣстѣ съ ними старикъ-дядька Ѳедора Ивановича, Николай Аванасьевичъ Хлоповъ. Онъ не захотѣлъ разстаться съ „дитятею“, которое взлелѣялъ съ 4 лѣтняго возраста, — которое и само платило ему равную привязанностью. Съ умиленіемъ упоминаетъ о своемъ дядькѣ и о своей дѣтски-страстной къ нему любви покойный поэтъ — также въ одномъ изъ писемъ къ своему брату, въ 1869 году, почти полстолѣтія послѣ путешествія въ Мюнхенъ. Николай Аванасьевичъ былъ когда-то крѣпостнымъ Татищева, затѣмъ отпущенъ на волю и поступилъ въ услуженіе къ Ивану Николаевичу Тютчеву, у котораго и остался по самую свою смерть. Грамотный, благочестивый, онъ пользовался большимъ уваженіемъ своихъ господъ, и во время пребыванія въ Мюнхенѣ велъ постоянную переписку съ Екатериной Львовной. Онъ аккуратно доносилъ ей всѣ интересныя, съ его точки зрѣнія, подробности объ ея сынѣ — лѣтнимъ на письма и нисколько не заботившемся о матеріальной сторонѣ существованія. Къ сожалѣнію, не сбереглось ни одного изъ этихъ донесеній, а было бы любопытно видѣть, какъ

отражалась жизнь поэта ея поэтической стороною въ своеобразномъ изложеніи стараго дядьки и сквозь призму его сужденій.

Въ Мюнхенѣ старикъ остался вѣрнѣ всѣмъ русскимъ обычаямъ, и въ нѣмецкой квартирѣ Тютчева устроилъ себѣ уютный русскій уголокъ съ иконами и лампадою, словно перенесенный изъ какого-нибудь московскаго прихода Николая на Курьихъ Пожкахъ или въ Сапожкахъ. Онъ взялъ въ свое завѣдываніе хозяйство юнаго дипломата и собственноручно готовилъ ему столь, угощая его, а порою и его пріятелей-иностранцевъ, произведеніями русской кухни. Николай Аванасьевичъ остался въ Мюнхенѣ до самой женитьбы Θεодора Ивановича въ 1826 году, а потомъ возвратился къ Ивану Николаевичу, въ домъ котораго, черезъ нѣсколько лѣтъ, и умеръ. Онъ завѣщалъ своему питомцу нарочно имъ сооруженную для него, Θεодора Ивановича, икону Θεодоровской Божіей Матери, съ изображеніями четырехъ святыхъ по угламъ, празднуемыхъ въ самые, по мнѣнію Хлопова, знаменательные для Тютчева дни. Выборъ этихъ дней и надписи на задней доскѣ образа, начертанныя самимъ Николаемъ Аванасьевичемъ, его тяжелымъ, старообразнымъ почеркомъ, въ высшей степени оригинальны: въ нихъ столько простой, искренней любви и въ тоже время столько наивнаго смѣшенія понятій, что ихъ нельзя читать безъ особеннаго умиленія и улыбки. Сзади иконы и по срединѣ написано: Сему образу празднество февраля 5; въ сей день мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ онъ вступилъ въ службу“. На правомъ верхнемъ углу, позади апостола Вареоломея, надпись, объясняющая день отъѣзда „въ Баварію“ (1822 г., іюня 11) и пріѣзда въ Москву, чрезъ три года, въ отпускъ. На другомъ углу, соотвѣствующемъ изображенію преподобнаго Макарія, слѣдующая надпись: „Генваря 19, 1825 г. Θεодоръ Ивановичъ долженъ помнить, что случилось въ Мюнхенѣ отъ его нескромности и какая грозила опасность“. Въ низу, позади св. Евфимія Великаго: „20 Генваря, т.-е. на другой же день все кончилось благополучно“. Наконецъ, на четвертомъ углу: „св. Исакія. Въ сей день, въ бытность нашу въ Варшавѣ“ (проѣздомъ въ отпускъ) „произведенъ Θεодоръ Ивановичъ въ камеръ-юнкеры“. Затѣмъ, опять по срединѣ, другая надпись: „Въ память моей искренней любви и усердія къ моему другу Θεодору

Ивановичу Тютчеву. Сей образъ по смерти моей принадлежить ему. Подписано 1826 года, марта 5-го, Николай Хлоповъ“.

И образъ свято сохранился у Тютчева въ кабинетѣ до самой его кончины.

Какъ ни мелочна повидимому эта біографическая подробность, но она не лишена значенія. Она характеризуетъ и самаго Тютчева, котораго слуга, бывший крѣпостной, его дядька и поваръ, называетъ своимъ *другомъ*, и ту эпоху, когда типы, подобные Хлопову, были нерѣдки. Благодаря имъ, этимъ высокимъ нравственнымъ личностямъ, возникшимъ среди и вопреки безнравственности историческаго соціального строя, — даже въ чудовищную область крѣпостныхъ отношеній проступали, порою, кроткіе лучи все облагораживающей, все возвышающей любви. Условія зависимости и неравенства согрѣвались человѣчностью, даже окрашивались какимъ-то мягкимъ, поэтическимъ колоритомъ. — Николай Аванасьевичъ вполне напоминаетъ знаменитую няню Пушкина, воспѣтую и самимъ поэтомъ, и Дельвигомъ, и Языковымъ. Этимъ нянямъ и дядькамъ должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи русской словесности. Въ ихъ нравственномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, искать объясненіе: какимъ образомъ, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ наше оторванное отъ народа общество, — въ эту среду, хвастливо отрекавшуюся отъ русскихъ историческихъ и духовныхъ преданій, пробирались иногда, неслышно и незамѣтно, струи чистѣйшаго народнаго духа? Откуда и чѣмъ питалось въ нашихъ, повидимому вполне офранцузенныхъ поэтахъ и дѣятеляхъ, проявлявшееся въ нихъ порою истинно-русское чувство и русская мысль? Да и вообще, кажется намъ, исторія умственнаго общественнаго развитія въ Россіи едва ли можетъ быть вполне понята безъ частной истеріи семей, безъ оцѣнки той степени участія, повидимому неразумнаго, самовольнаго, непрошеннаго, но тѣмъ не менѣе часто спасительнаго, которое въ нашей личной и общественной судьбѣ приходится на долю семьѣ и быту, — непосредственному дѣйствию преданія и обычая... Конечно, не Хлопову собственно былъ обязанъ Тютчевъ сохраненіемъ своей духовной самостоятельности на чужбинѣ; но не могла же, однако, воспримчивая душа поэта не испытывать особеннаго благотворнаго

ощущения, когда тамъ, въ Баваріи, вдалекѣ отъ Россіи, по возвращеніи иной разъ поздней ночью на свою нѣмецкую квартиру съ какого-нибудь придворнаго нѣмецкаго бала или раута, — его встрѣчала ласковая русская журьба и осѣняла тихимъ своимъ свѣтомъ лампада, неугасимо теплившаяся предъ иконами стараго дядьки.

Такъ какъ мы уже заговорили о бытовыхъ непосредственныхъ „вліяніяхъ“ въ жизни Тютчева, то приведемъ и еще образчикъ. Вотъ два отрывка изъ писемъ Федора Ивановича къ своей второй женѣ. Они рисуютъ намъ наглядную картину домашняго быта того времени, а также о взаимныхъ отношеніяхъ Тютчева и Екатерины Львовны, т.-е. сына и матери, раздѣленныхъ, повидимому, неизмѣримою умственною пропастью: онъ — высокообразованный дипломатъ, воспитавшійся за границею мыслитель, чуждый православныхъ обыкновений, котораго весь домашній строй жизни былъ по необходимости иностранный; она, при всемъ своемъ французскомъ языкѣ, простая, русская православная женщина... Не думая, не гадая ни о какомъ вразумленіи и вліяніи, слѣдуя только обычаю и влеченію сердца, она относится къ европейскому умнику, какъ бывало къ ребенку Феденькѣ, — и зрѣлый, почти уже старый сынъ ея съ умиленіемъ поддается ея материнскимъ требованіямъ, понимая и цѣня ихъ олагое значеніе.

Въ 1843 году Тютчевъ пріѣзжалъ изъ Мюнхена въ Москву для свиданія съ родными, которыхъ не видѣлъ слишкомъ пять лѣтъ; на возвратномъ пути за границу онъ остановился въ Петербургѣ, и въ письмѣ къ своей женѣ, еще не бывавшей въ Россіи, такъ рассказываетъ свое прощаніе съ семьей и Москвою:

„...Toute ma famille m'a accompagné juspu'au bureau des diligences, et l'apparition de ma mère dans un pareil endroit était un fait sans précédent et sans analogue dans sa vie. Je n'ai pas besoin de te dire, que dans la matinée du jour de mon départ, qui était un dimanche, il y a eu après la messe le Te Deum obligé, suivi d'une visite dans une des chapelles les plus révérees de Moscou, où se trouve une image miraculeuse de la S-te Virge d'Ibérie. En un mot tout s'est passé dans les formes de la plus stricte orthodoxie... Eh bien, pour qui ne s'y associe qu'en passant, pour qui peut en prendre à son aise, il y a dans ces formes si

profondement historiques, il y a dans ce monde russo-byzantin, où la vie et le culte ne font qu'un, et si vieux, que Rome elle-même, comparée a lui, sent quelque peu l'innovation, — il y a dans tout cela, pour qui a l'instinct de ces choses, une grandeur de poésie incomparable, une grandeur telle, qu'elle subjugué l'inimitié la plus acharnée... Car au sentiment de ce passé déjà si vieux, vient fatalement s'associer le pressentiment d'un avenir incommensurable“...¹⁾

Другое письмо къ ней же отъ 11 сентября 1858 года, когда Тютчеву было почти 55 лѣтъ: „...J'ai encore une fois pris congé de ma meré; j'ai encore une fois fait les trois saluts en terre à côté d'elle devant sa Vierge de Cazan, encore une fois, en m'en allant de sa chambre, appuyé mon dernier regard sur elle, en l'accompagnant du même pressentiment parfaitement naturel“, etc.²⁾.

Въ 1822 году, когда Тютчевъ переселился на житье въ Мюнхенъ, политическое значеніе этого города было иное, нежели теперь. Священный Союзъ былъ въ полномъ ходу, и частые конгрессы придавали ему еще болѣе дѣйствительной силы. Только семь лѣтъ прошло по умиротвореніи Европы. Россія была въ апогеѣ величія и славы, и второстепенные германскіе дворы видѣли въ ней оплотъ своей автономіи противъ посягательства Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Во главѣ этихъ второстепенныхъ державъ, составлявшихъ въ федеративномъ германскомъ устройствѣ коллективный

1) „...Все семейство проводило меня до конторы дилижансовъ, и появленіе моей матери въ такомъ мѣстѣ было дѣломъ небывалымъ, не имѣвшимъ себѣ ничего подобнаго въ ея жизни. Нужно ли тебѣ рассказывать, что въ день моего отъѣзда, который пришелъ въ воскресенье, была обѣдня, а послѣ обѣдни неизбежный молебень, затѣмъ посѣщеніе одной изъ самыхъ чтимыхъ въ Москвѣ часовенъ, гдѣ находится чудотворная икона Иверской Божіей Матери. Однимъ словомъ, все произошло согласно съ порядками самого высшаго православія... Ну что же? Для человѣка, который приобщается къ нимъ только мимоходомъ и въ мѣру своего удобства, есть въ этихъ формахъ, такъ глубоко историческихъ, въ этомъ мірѣ византийско-русскомъ, гдѣ жизнь и вѣроислуженіе составляютъ одно, — въ этомъ мірѣ столь древнемъ, что даже Римъ, въ сравненіи съ нимъ, пахнетъ новизною, есть во всемъ этомъ для человѣка, снабженнаго чутьемъ для подобныхъ явленій, величіе поэзіи необычайное, такое величіе, что оно преодолеваетъ самую яркую враждебность... Ибо къ ощущенію прошлаго, — и такого уже стараго прошлаго, — присоединяется неволью, какъ бы предопредѣленіемъ судьбы, предчувствіе неизмѣнимаго будущаго...“

2) „...Я еще разъ простился съ моей матерью, еще разъ положилъ, рядомъ съ нею, три земныхъ поклона предъ ея Казанской Божіей Матерью; еще разъ, уходя изъ ея комнаты, оглянулъ ее послѣднимъ взглядомъ, съ тѣмъ же, какъ и прежде, предчувствіемъ, — совершенно естественнымъ“ и пр.

противовѣсъ Австріи и Пруссіи, стояла Баварія, какъ самая крупная, и поэтому играла нѣкоторую политическую роль. Дипломатическая миссія въ Мюнхенѣ не считалась еще тогда, со стороны кабинетовъ, исполненіемъ только приличій между-державнаго этикета. Дипломатическій корпусъ въ Мюнхенѣ въ тѣ годы былъ многочисленный, и Баварскій царствующій домъ старался придать юному королевству, пожалованному въ это званіе лишь недавно, благодаря Наполеону и ловкости курфюрста Макса-Иосифа, всевозможный блескъ и значеніе. Съ восшествіемъ на престолъ въ 1825 г. Людвига I, началось то, преисполненное ученыхъ претензій, пересозданіе Мюнхена въ нѣмецкія Аены, которое, не претворивъ нѣмцевъ въ эллиновъ, стало однако вскорѣ привлекать множество путешественниковъ — собраніями образцовъ искусства, музеями, пинакотеками, глиптотеками и разнообразными зданіями-моделями. Щедрость короля сгруппировала въ Мюнхенѣ немало знаменитыхъ художниковъ и ученыхъ; въ числѣ послѣднихъ были Окенъ и Шеллингъ, которыми и украсился вновь открытый Мюнхенскій университетъ.

Въ 1825 году Тютчевъ пріѣзжалъ на короткое время въ отпускъ въ Москву, къ своимъ родителямъ; въ 1826 г., 23 лѣтъ отъ роду, онъ женился въ Мюнхенѣ на милой, граціозной, умной, нѣсколько старшей его, вдовѣ нашего бывшаго министра при одномъ изъ второстепенныхъ германскихъ дворовъ, Петерсона. Урожденная графиня Ботмеръ, она происходила по матери изъ рода Гонштейнъ. Такимъ образомъ Тютчевъ породнился разомъ съ двумя старыми аристократическими фамиліями Баваріи и попалъ въ цѣлый сонмъ нѣмцевъ-родственниковъ. Впрочемъ, послѣдніе мало были способны уразумѣть Тютчева и вообще симпатизировать съ его оригинальною и уже вовсе не нѣмецкою природою. Зато скромная гостиная Тютчевыхъ въ Мюнхенѣ, при общительномъ характерѣ прелестной хозяйки, стала вскорѣ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ даровитыхъ и вообще замѣчательныхъ людей въ городѣ; особенно часто посѣщала ее поэтъ Гейне. Съ особеннымъ сочувствіемъ упоминаютъ также о Тютчевыхъ, мужѣ и женѣ, Кирѣевскіе (Петръ и Иванъ Васильевичи) въ письмахъ своихъ въ Москву, къ матери, отъ 1830 года, изъ Мюнхена, гдѣ оба брата слушали лекціи

Шеллинга. Отъ этого брака Федоръ Ивановичъ имѣлъ трехъ дочерей. Сохранившаяся отъ того времени домашняя переписка свидѣтельствуесть, что Тютчевы, оба плохіе хозяева, при немалой уже семьѣ и при своемъ общественномъ положеніи, часто были озабочиваемы и затрудняемы недостаткомъ денежныхъ средствъ.

Въ 1830 году Тютчевъ возилъ свою жену въ Петербургъ знакомиться съ ея русскими родными. Въ 1833 году онъ былъ, по собственной охотѣ, отправленъ „курьеромъ“ съ дипломатическимъ порученіемъ на Ионическіе острова. Въ концѣ 1837 года, уже камергеръ и статскій совѣтникъ, онъ былъ повышенъ по службѣ, именно назначенъ старшимъ секретаремъ посольства въ Туринъ, — что было впрочемъ не совсемъ согласно съ его желаніемъ: онъ надѣялся получить мѣсто въ Вѣнѣ. Прежде чѣмъ отправиться на свой новый постъ, онъ снова привезъ жену и дѣтей въ Петербургъ, гдѣ и оставилъ ее, при своихъ родныхъ, на всю зиму, а самъ вскорѣ уѣхалъ опять въ Мюнхенъ и оттуда въ Туринъ. Пробывъ зиму въ Петербургѣ, жена съ дѣтьми возвратилась весною къ мужу, но осенью того же года скончалась въ Туринѣ.

Въ 1839 году Тютчевъ женился снова, на вдовѣ баронессѣ Дёрнгеймъ, женщиנѣ замѣчательной красоты и ума, урожденной баронессѣ Пфёффель, — впрочемъ изъ семейства болѣе французскаго, чѣмъ нѣмецкаго, происхожденіемъ изъ Альзаса. Тютчевъ не долго оставался въ столицѣ Пьемонта, гдѣ къ тому же очень скучалъ и гдѣ тогда не было почти никакой политической и общественной жизни. Исправляя, за отсутствіемъ посланника, должность повѣреннаго въ дѣлахъ и вида, что дѣлъ собственно не было никакихъ, нашъ поэтъ, въ одинъ прекрасный день, имѣя неотложную надобность съѣздить на короткій срокъ въ Швейцарію, заперъ дверь посольства и отлучился изъ Турина, не испросивъ себѣ формальнаго разрѣшенія. Но эта самовольная отлучка не прошла ему даромъ. О ней узнали въ Петербургѣ, и ему повелѣно было оставить службу, при чемъ сняли съ него и званіе камергера... Тютчевъ однако не поѣхалъ въ Россію, а переселился опять въ знакомый, почти родной ему Мюнхенъ, въ ожиданіи пока въ Петербургѣ разъяснится недоразумѣніе и примирится съ оригинальною выходкою дипломата-поэта.

Съ 1840 года Тютчевъ зажилъ въ Мюнхенѣ прежнюю жизнью, усердно посѣщая общество и самъ не менѣ ревностно посѣщаемый. Многие изъ иностранныхъ дипломатовъ, бывшихъ въ ту пору въ Мюнхенѣ, до сихъ поръ хранятъ въ памяти часы, проведенные въ его домѣ.

Въ 1843 году Тютчевъ прїѣзжалъ изъ Мюнхена въ Москву и въ Петербургъ, чтобъ предварительно приготовить свое перемѣщеніе въ Россію и устроить дѣло по службѣ. Въ этотъ прїѣздъ онъ особенно сошелся съ княземъ П. А. Вяземскимъ и вообще принятъ былъ въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, какъ лицо, уже замѣченное въ Европѣ, уже извѣстное острою мысли и слова. Объ этомъ прїемѣ, вѣроятно, не похожемъ на прежніе, и о дружескомъ вниманіи князя Вяземскаго онъ самъ, съ благодарностью отзывается въ письмахъ къ женѣ; пишетъ о томъ же и отцу съ матерью, которые, кажется, были очень озабочены общественнымъ положеніемъ своего сына и нетерпѣливо желали, чтобъ скорѣе снята была опала, тяготѣвшая надъ нимъ за самовольную отлучку изъ Турина.

Лѣтомъ 1844 г. Тютчевъ, съ женой и съ дѣтьми, окончательно водворяется въ Россіи, и именно въ Петербургѣ, изрѣдка совершая поѣздки за границу и ежегодно въ Москву...

Дѣло по службѣ скоро уладилось: Тютчеву были возвращены всѣ служебныя права и почетныя званія, и повелѣно было состоять по особымъ порученіямъ при государственномъ канцлерѣ. Вообще, появленіе его въ петербургскомъ свѣтѣ сопровождалось блестящимъ успѣхомъ. Онъ сразу занялъ въ обществѣ то особенное, видное положеніе, которое удерживалъ потомъ до самой своей кончины и на которое давали ему такое право его образованность, его умъ и таланты. Предъ нимъ открылись настежь всѣ двери — и дворцовъ, и аристократическихъ салоновъ, и скромныхъ литературныхъ гостинныхъ: всѣ наперерывъ желали залучить къ себѣ этого русскаго выходца изъ Европы, этого прїятнаго собесѣдника, привлекавшаго къ себѣ общее вниманіе оригинальною граціею всего своего внѣшняго и духовнаго существа, самостоятельностью своей мысли, сверкающею острою своихъ импровизованныхъ рѣчей. Онъ самъ, въ письмахъ къ отцу и матери, свидѣтельствуетъ о радушномъ прїемѣ, ему оказанномъ, объясняя, впрочемъ, это

радушіе, съ привычною ему скромностію, свойствами русскаго національнаго характера...

Въ 1857 году Тютчевъ занялъ мѣсто предсѣдателя санкт-петербургскаго Комитета иностранной цензуры, оставаясь въ то же время въ вѣдомствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Его просвѣщенное, разумно-либеральное предсѣдательство въ этомъ Комитетѣ, нерѣдко расходившееся съ нашимъ административнымъ міровоззрѣніемъ, а потомъ подъ конецъ и ограниченное въ своихъ правахъ, памятно всѣмъ, кому было дорого живое общеніе съ европейскою литературою. Въ этой должности онъ и состоялъ до самой своей кончины, послѣдовавшей 15 іюля 1875 года, въ Царскомъ Селѣ.

Ив. Аксаковъ.

Картины природы въ стихотвореніяхъ Тютчева.

Стихи Тютчева не выдаются особенною бойкостью, наружною красивою, силою и звучностію; но, въ замѣнъ этихъ качествъ, они отличаются совершенно своеобразною фактурою; ихъ мелодичность не похожа на музыкальный строй, если не одинаковый, то довольно общій у прочихъ нашихъ поэтовъ. Чтò особенно плѣняетъ въ поэзіи Тютчева, это ея необыкновенная грація, не только внѣшняя, но еще болѣе внутренняя. Все жестокое, рѣзкое и яркое чуждо его стихамъ; на всемъ художественная мѣра; все извнѣ и изнутри, такъ сказать, обвѣяно изяществомъ. Самое вещество слово какъ бы теряетъ свою вещественность, — которою именно такъ любятъ играть и щеголять нѣкоторые поэты, которая составляетъ своего рода спеціальную красоту въ стихахъ, на примѣръ, Языкова. Вещество слова у Тютчева какъ-то одухотворяется, становится прозрачнымъ. Мыслью и чувствомъ трепещетъ вся его поэзія. Его музыкальность не въ одномъ внѣшнемъ гармоническомъ сочетаніи звуковъ и рѣчь, но еще болѣе въ гармоническомъ соотвѣтствіи формы и содержанія.

Почти всѣ стихотворенія Тютчева равно граціозны и музыкальны, но приведемъ теперь для примѣра хоть нѣкоторыя изъ нихъ, гдѣ это свойство его поэзіи, при относительной

незначительности содержания, выступает, такъ сказать, на первый планъ.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ самыхъ молодыхъ стихотвореній, написанное, можетъ-быть, лѣтъ 45 тому назадъ¹⁾ и внушенное ему 16 лѣтнею красавицею за границею:

Я помню время золотое, Я помню сердцу милый край... День вечерѣлъ. Мы были двое. Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай. И на холму, тамъ, гдѣ бѣлѣя, Руина замка вдаль глядитъ, Стояла ты, младая фея, На мшистый опершись гранитъ, Ногой младенческой касаясь Обломковъ груди вѣковой... И солнце медлило, прощаясь Съ холмомъ и съ замкомъ и съ тобой.	И вѣтеръ тихій мимолетомъ Твоей одеждою игралъ И съ дивихъ яблонь цвѣтъ за цвѣ- томъ На плечи юныя свѣвалъ. Ты беззаботно вдаль глядѣла... Край неба дымно гасъ въ лучахъ; День догаралъ; звучнѣе гѣла Рѣка въ померкшихъ берегахъ. И ты, съ веселостью безпечной, Счастливымъ провожала день... И сладко жизни быстротечной Надъ нами пролетала тѣнь.
---	--

Какъ граціозна эта картина лѣтняго вечера и молодой дѣвушки у развалинъ стараго замка, озаренной догорающими лучами солнца, — какая мягкость тоновъ и нѣжность колорита! Съ трудомъ вѣрится, что это стихотвореніе, — написанное, если не ошибаемся, въ ранней молодости, — принадлежитъ поэту, который еще не задолго предъ тѣмъ, подъ вліяніемъ образцовъ такъ называемой русской классической поэзіи, считалъ себя обязаннымъ гѣть въ важномъ и напыщенномъ тонѣ и добровольно сковывалъ свое творчество, пока не махнулъ рукой на „сочинительство“, на печать и на всякую авторскую славу. А вотъ другое, изъ позднѣйшей поры, написанное уже въ шестидесятыхъ годахъ; вотъ въ какомъ легкомъ и изящномъ образѣ выражено имъ нравственное изнеможеніе:

О этотъ югъ, о эта Ницца!...
О, какъ ихъ блескъ меня тревожить!
Мысль, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хочетъ и не можетъ...
Нѣтъ ни полета ни размаху;
Висятъ подломанныя крылья,
И вся дрожить, прижавшись къ праху,
Въ сознаньи грустнаго безсилья...

¹⁾ Статья написана въ 1874 году.

Впрочемъ, трудно выбрать стихотвореніе, которое служило бы примѣромъ только одной граціозности. Это свойство его поэзіи неразлучно съ каждымъ проявленіемъ его поэтическаго творчества, какъ увидить далѣе и самъ читатель.

Но гдѣ Тютчевъ является совершеннымъ мастеромъ, мало имѣющимъ себѣ подобныхъ, это въ изображеніи картинъ природы. Нѣтъ, конечно, сюжета болѣе избитаго стихотворцами всего міра. Къ счастью, самъ сюжетъ, т.-е. сама природа, отъ этого нисколько не опошляется, и ея дѣйствіе на духъ человѣческой не менѣе неотразимо. Сколько бы тысячъ писателей ни пыталось передать намъ ея языкъ, — всегда и вѣчно онъ будетъ звучать свѣжо и ново, какъ только душа поэта станетъ въ прямое общеніе съ душою природы. Оттого и картины Тютчева исполнены такой же безсмертной красоты, какъ безсмертна красота самой природы. — Вообще, вѣрность изображенія не только того, что зовется „природой“, но и всякаго предмета, явленія и даже ощущенія, заключается вовсе не въ обиліи подробностей, вовсе не въ *аккуратной* передачѣ всякой, даже самой мелкой черты, вовсе не въ той фотографической точности, которою такъ хвалятся художники-реалисты позднѣйшаго времени. Многіе изъ нашихъ новѣйшихъ писателей любятъ кокетничать наблюдательностью, и, думая изобразить чью либо фізіономію, перечисляютъ углы и изгибы рта, губъ, носа, чуть не каждую бородавку на лицѣ; если же рисуютъ бытъ, то съ неумолимою отчетливостью передаютъ каждую ничтожную частность, иногда совершенно случайную, зыбкую, вовсе не типичную... Они только утомляютъ читателя и нисколько не уловляютъ внутренней правды. Истинный художникъ, напротивъ того, изъ всѣхъ подробностей выберетъ одну, но самую характерную; его взоръ тотчасъ угадываетъ черты, которыми опредѣляется весь внѣшній и внутренній смыслъ предмета, и опредѣляется такъ полно, что остальные черты и подробности сами уже собой досказываются въ воображеніи читателя. Воспринимая впечатлѣніе отъ наружности ли человѣческой, отъ иныхъ ли внѣшнихъ явленій, мы прежде всего воспринимаемъ это впечатлѣніе непосредственно, еще безъ анализа, еще не успѣвая, да иногда и не задаваясь трудомъ: изучить и разобрать всѣ соотношенія линий и всю игру мускуловъ въ фізіономіи, или же всѣ формы и дви-

женія частей, составляющихъ, напримѣръ, картину природы. Слѣдовательно, художественная задача — не въ томъ, чтобъ сдѣлать рабскій снимокъ съ натуры (что даже и не возможно), а въ воспроизведеніи того же именно впечатлѣнія, какое произвела бы на насъ сама живая натура. Это умѣнье передавать нѣсколькими чертами всю цѣлость впечатлѣнія, всю реальность образа, требуетъ художественнаго таланта высшей пробы и принадлежитъ Тютчеву вполнѣ, особенно въ изображеніяхъ природы.

Приведемъ въ доказательство слѣдующее стихотвореніе Тютчева:

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колось,
Теперь ужъ пусто все — просторъ вездѣ;
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на празднои бороздѣ.
Пустѣть воздухъ, птицъ не слышно болѣ;
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и тихая лазурь
На отдыхающее поле.

Здѣсь нельзя уже ничего прибавить; всякая новая черта была бы излишня. Достаточно одного этого „тонкаго волоса паутины“, чтобъ однимъ этимъ признакомъ воскресить въ памяти читателя бывшее ощущеніе подобныхъ осеннихъ дней, во всей его полнотѣ.

Или вотъ это стихотвореніе, — другая сторона осени:

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть...
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкий шелестъ;
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ предвѣстье близящихся бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою;
Ущербъ, изнеможенъ и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Не говоря уже о прекрасномъ граціозномъ образѣ „стыдливаго страданья“, — образѣ, въ который претворилось у

Тютчева ощущение осенняго вечера, самый этот вечеръ воспроизведенъ такими точными, хоть и немногими, чертами, что будто самъ ощущаешь и переживаешь всю его жуткую прелесть.

Этотъ мотивъ повторенъ Тютчевымъ и въ другой пьесѣ, но образъ осени умильнѣе, нѣжнѣе и сочувственнѣе:

*Объяснь вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ груститъ;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.
Гляжу съ участвомъ умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ...
Какъ увядающее мило!
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что такъ цвѣло и жило,
Теперь, такъ немощно и хило,
Въ послѣдній улыбнется разъ!...*

Такая же истина и въ этой картинѣ осени:

.....
*Такъ иногда осеннею порой,
Когда поля ужъ пусты, рощи голы,
Блѣднѣе небо, пасмурнѣе долы, —
Вдругъ вѣтръ подуетъ, теплый и сырой,
Опавшій листь погонитъ предъ собою
И душу вамъ обдастъ какъ бы весною...*

Именно *теплый* и *сырой* вѣтеръ. Это именно то, что нужно. Кажется, какія незатѣйливыя слова, но въ этомъ-то и достоинство, въ этомъ-то и прелесть: они просты, какъ сама правда.

У Тютчева эта мѣткость качественныхъ опредѣленій простирается не на одни предметы внѣшняго міра, какъ и увидимъ ниже.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ изображенія природы у Тютчева; мы поставили курсивомъ тѣ именно выраженія, которыя намъ кажутся художественно точными и простыми:

П о л д е н ь .

*Лѣниво дышитъ полдень млыстый,
Лѣниво катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.*

И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ,
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфѣ спокойно дремлетъ.

Здѣсь это одно „лѣтниво тають“ стѣбитъ всякаго длиннаго, подробнаго описанія.

Или вотъ это выраженіе:

*Не остывшая отъ зною
Ночь июльская блистала...*

Вотъ картина лѣтней бури:

Какъ весель грохотъ лѣтнихъ бурь, Когда, взметая прахъ летучій, Гроза, нахлынувшая тучей, Смутить небесную лазурь, <i>И опрометчиво-безумно Вдругъ на дубраву набѣжитъ,</i>	<i>И вся дубрава задрожитъ, Широколиственно и шумно! И сквозъ внезапную тревогу Немолчно слышенъ птичій свистъ, И кой-гдѣ первый желтый листъ, Крутясь, слетаетъ на дорогу...</i>
--	---

Ради простоты и точности очертаній приведемъ еще два отрывка:

Родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ
Огромной тучи снѣговой;
Синѣетъ даль съ ея угрюмымъ лѣсомъ,
Окутаннымъ осенней мглой.
Все голо такъ и пусто, необъятно,
Въ однообразіи нѣвомъ,
*Мѣстами лишь простѣчиваютъ пятна
Стоячихъ водъ, покрытыхъ первымъ льдомъ.*
Ни звуковъ здѣсь, ни красокъ, ни движенія;
Жизнь *отошла*, и, покорясь судьбѣ,
Въ какомъ-то забытій изнеможенія,
Здѣсь человекъ лишь снится самъ себѣ.

Здѣсь не только внѣшняя вѣрность образа, но и вся полнота внутренняго ощущенія.

Какъ неожиданно и ярко, На влажной неба синевѣ Воздушная воздвиглась арка Въ своемъ <i>мигнущемъ торже-</i>	Одинъ конецъ въ лѣса вонзила, Другимъ за облака ушла; Она полнеба обхватила И въ высотѣ <i>изнемогла!</i> <i>ствѣ.</i>
--	--

Изнемогла! Выраженіе не только глубоко-вѣрное, но и смѣлое. Едва ли не впервые употреблено оно въ нашей литературѣ въ такомъ именно смыслѣ. А между тѣмъ нельзя

Стихотворенія Тютчева принадлежать къ немногимъ блестящимъ явленіямъ въ области русской поэзіи. Тютчевъ написалъ очень немного; но все написанное имъ носить на себѣ печать истиннаго и прекраснаго таланта, нерѣдко самобытнаго, всегда граціознаго, исполненнаго мысли и неподдѣльнаго чувства. Мы увѣрены, что если бѣ Тютчевъ писалъ болѣе, талантъ его доставилъ бы ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ русской поэзіи.

Главное достоинство стихотвореній Тютчева заключается въ живомъ, граціозномъ, пластически-вѣрномъ изображеніи природы. Онъ горячо любитъ ее, прекрасно понимаетъ, ему доступны самыя тонкія, неуловимыя черты и оттѣнки ея, и все это превосходно отражается въ его стихотвореніяхъ. Конечно, самый трудный родъ поэтическихъ произведеній — это тѣ произведенія, въ которыхъ, повидимому, нѣтъ никакого содержанія, никакой мысли; это пейзажъ въ стихахъ, картинка, обозначенная двумя-тремя чертами. Уловить именно тѣ черты, по которымъ въ воображеніи читателя можетъ возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина, дѣло величайшей трудности. Тютчевъ въ совершенствѣ владѣетъ этимъ искусствомъ. Вотъ нѣсколько стихотвореній, которыя подтверждаютъ нашу мысль:

УТРО ВЪ ГОРАХЪ.

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.
Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скать,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

СНѢЖНЫЯ ГОРЫ.

Уже полдневная пора
Палить отвѣсными лучами,
И задымилася гора
Съ своими черными тѣнями.
Едва въ трепещущихъ листахъ
Перебирается прохлада,
Звонокъ пасущагося стада
Почти замолкъ на высотахъ.

Внизу, какъ зеркало стальное,
Синѣютъ озера струи,
И съ камней, блещущихъ на зноѣ,
Въ родную глубь спѣшать ручьи.
И между тѣмъ какъ полусонный,
Нашъ дольный мѣръ, лишенный силъ,
Проникнуть нѣгой благовонной,
Во мглѣ полуденной почилъ,
Горѣ, какъ божества родныя
Надъ издыхающей землей,
Играютъ выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

Стихотворенія эти очень коротки, а между тѣмъ ни къ одному изъ нихъ рѣшительно нечего прибавить. Каждое словомѣтко, полноувѣсно, и оттѣнки расположены съ такимъ искусствомъ, что въ цѣломъ обрисовываютъ предметъ, какъ нельзя полнѣе. Нечего уже и говорить, что утро Тютчева не похоже на вечеръ, а полдень на утро, какъ это часто случается у нѣкоторыхъ и не совсѣмъ плохихъ поэтовъ.

Какъ на превосходный примѣръ удивительной способности Тютчева схватывать характеристическія черты картинъ и явленій природы можно указать на стихотвореніе „Осенній вечеръ“¹⁾. Какая превосходная картина въ немъ! Каждый стихъ хватается за сердце, какъ хватаютъ за сердце въ иную минуту беспорядочные, внезапно набѣгающіе порывы осенняго вѣтра; ихъ и слушать больно и перестать слушать жаль. Впечатлѣніе, которое испытываешь при чтеніи этихъ стиховъ, можно только сравнить съ чувствомъ, какое овладѣваетъ человѣкомъ у постели молодой умирающей женщины, въ которую онъ былъ влюбленъ. Только талантамъ сильнымъ и самобытнымъ дано затрогивать такія струны въ человѣческомъ сердцѣ; вотъ почему мы нисколько не задумались бы поставить Тютчева рядомъ съ Лермонтовымъ; жаль, что онъ написалъ слишкомъ мало. Нечего и говорить о художественномъ достоинствѣ „Осенняго вечера“: каждый стихъ его перлъ, достойный любого изъ нашихъ великихъ поэтовъ. Вотъ еще стихотвореніе Тютчева въ этомъ же родѣ:

Что ты клонишь надъ водами,
Ива, макушку свою

¹⁾ Страница 17.

И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещеть
Каждый листъ твой надъ струей...
Но струя бѣжитъ и плещеть,
И, на солнцѣ нѣжась, блещеть
И смѣется надъ тобой...

Ничего не прибавляемъ въ похвалу этому стихотворенію. Замѣтимъ только одно, что, несмотря на всю разность содержания, оно напоминало намъ стихотвореніе Лермонтова „Бѣлѣть парусъ одинокій“, которому оно, по нашему мнѣнію, нисколько не уступаетъ по своему достоинству.

Одною изъ лучшихъ картинъ, написанныхъ перомъ Тютчева, почитаемъ мы стихотвореніе „Весеннія воды“¹⁾. Сколько жизни, веселости, весенней свѣжести въ трехъ стихахъ:

...Весна идетъ, весна идетъ,
Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ!

Читая ихъ, чувствуешь весну, когда самъ не знаешь, почему дѣлается весело и легко на душѣ, какъ будто нѣсколько лѣтъ свалилось долой съ плечъ, — когда любишь и едва показавшейся травкой и только что распускающимся деревамъ, и бѣжишь, — бѣжишь какъ ребенокъ, полной грудью, впивая живительный воздухъ и забывая, что бѣжать совсѣмъ неприлично, не по лѣтамъ, а слѣдуетъ итти степенно, и что радоваться тоже совсѣмъ нечего и нечему...

Вотъ еще одно изъ прелестныхъ стихотвореній Тютчева:

В Е С Н А.

Какъ ни гнететь рука судьбины,
Какъ ни томить людей обманъ,
Какъ ни браздятъ чело морщины,
И сердце какъ ни полно ранъ;
Какимъ бы строгимъ испытаньямъ
Вы ни были подчинены,
Что устоять передъ дыханьемъ
И первой встрѣчею весны!

Весна — она о васъ не знаетъ, —
О васъ, о горѣ и о злѣ;
Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ,

¹⁾ Стран. 20.

И ни морщины на челѣ...
Своимъ законамъ лишь послушна,
Въ условный часъ слетаетъ къ намъ,
Свѣтла, блаженно-равнодушна,
Какъ подобаетъ божествамъ.

Цвѣтами сыплеть надъ землею,
Свѣжа, какъ первая весна;
Была ль другая передъ нею,
О томъ не вѣдаетъ она.
По небу много облакъ бродить,
Но эти облака ея:
Она ни слѣду не находитъ
Отцвѣтшихъ весень бытія.

Не о быломъ вздыхаютъ розы,
И соловей въ ночи поетъ;
Благоухающія слезы
Не о быломъ Аврора льетъ,
И страхъ кончины неизбежной
Не свѣтъ съ древа ни листа;
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита.

Игра и жертва жизни частной,
Приди жъ, отвергни чувствъ обманъ
И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ!
Приди — струей его эфирной
Омой страдальческую грудь
И жизни божески-всемірной
Хотя на мигъ причастенъ будь!

Теперь переходимъ къ тѣмъ стихотвореніямъ, въ которыхъ къ мастерской картинѣ природы присоединяется мысль, постороннее чувство, воспоминаніе. Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на слѣдующія стихотворенія:

Давно ль, давно ль, о югъ блаженный,
Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
И какъ эдемъ, ты растворенный,
Доступенъ былъ мнѣ, пришлецу!
Давно ль, — хотя безъ восхищенья,
Но новыхъ чувствъ не даромъ полнъ, —
И я заслушивался пѣнья
Великихъ средиземныхъ волнъ!

И пѣснь ихъ, какъ во время оно,
Полна гармоніи была,
Когда изъ ихъ родного лона

Кирида свѣтлая воплыла...
Онѣ все тѣ же и понынѣ,
Все также блещутъ и звучатъ;
По ихъ лазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ.

Но я... я съ вами распростился,
Я вновь на сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опустился
Его священный небосклонъ.
Здѣсь воздухъ колетъ, снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ,
И холодъ, чародѣй всеильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ.

Но тамъ, за этимъ царствомъ вьюги,
Тамъ, тамъ, на рубежѣ земли,
На золотомъ, на свѣтломъ югѣ,
Еще я вижу васъ вдали:
Вы блещете еще прекраснѣй,
Еще лазурнѣй и свѣжѣй,
И говоръ вашъ еще согласнѣй
Доходить до души моей.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами,
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьютъ о берегъ свой

То гласъ ея: онѣ нудить насъ и просить,
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челнъ,
Приливъ растеть и быстро насъ уносить
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ

Небесный сводъ, горящій славою звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Послѣдніе четыре стиха удивительны: читая ихъ, чувствуешь невольный трепетъ. Наконецъ, стихотвореніе „Я помню время золотое“¹⁾ принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Тютчева, да и вообще всей русской поэзіи. Прочитавъ это стихотвореніе, читатель, конечно, согласится съ нами въ томъ, что сказали мы о талантѣ Тютчева; нѣтъ сомнѣнія, отъ

1) См. стран. 15.

такого стихотворенія не отказался бы и Пушкинъ. Не входимъ въ подробный разборъ этой пьесы и не отмѣчаемъ лучшихъ стиховъ ея, предоставляя это самимъ читателямъ. Любовь къ природѣ, сочувствіе къ ней, полное пониманіе ея и умѣнье мастерски воспроизводить ея многообразныя явленія, — вотъ главные черты таланта Тютчева. Онъ съ полнымъ правомъ и полнымъ сознаніемъ могъ обратиться къ непонимающимъ и не умѣющимъ цѣнить природы съ слѣдующими энергическими стихами:

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семь мірѣ, какъ впотьмахъ,
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была!

И языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь, глухонѣмой!
Увы, души въ немъ не тревожить
И голосъ матери самой.

Да мы вѣримъ, что автору этого стихотворенія понятенъ и смыслъ и языкъ природы... Н. Н.

Возвышенное въ поэзіи Тютчева.

Прежде всего бросается въ глаза, при знакомствѣ съ поэзіей Тютчева, созвучіе его вдохновенія съ жизнью природы, — совершенное воспроизведеніе имъ физическихъ явленій, какъ состояній и дѣйствій живой души. Конечно, всѣ дѣйстви-

тельные поэты и художники чувствуют жизнь природы и представляют ее въ одушевленныхъ образахъ; но преимущество Тютчева передъ многими изъ нихъ состоитъ въ томъ, что онъ вполнѣ и сознательно *стырилъ* въ то, что чувствовалъ, — ощущаемую имъ живую красоту принималъ и понималъ не какъ свою фантазію, а какъ *истину*. Эта вѣра и это пониманіе стали рѣдки въ новое время, — мы не находимъ ихъ даже, напримѣръ, у такого сильнаго поэта и тонкаго мыслителя, какъ Шиллеръ. Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи „Боги Греціи“ онъ предполагаетъ, что природа только *была* жива и прекрасна въ *воображеніи* древнихъ, а на самомъ дѣлѣ она лишь мертвая машина. Смерть эллинской мифологіи была для Шиллера смертью самой природы; вмѣстѣ съ прекрасными богами Греціи исчезла и душа міра, оставивъ только свою тѣнь въ художественныхъ памятникахъ классической древности.

Тютчевъ не вѣрилъ въ эту смерть природы, и ея красота не была для него пустымъ звукомъ. Ему не приходилось *искать* душу міра и безотвѣтно привѣтствовать отсутствующую: она сама сходилась съ нимъ и въ блескѣ молодой весны, и въ „свѣтлости осеннихъ вечеровъ“; въ сверканьи пламенныхъ зарницъ и въ шумѣ ночного моря она сама намекала ему на свои роковыя тайны. И безъ греческой мифологіи міръ былъ полонъ для него и величья, и красоты, и красокъ. Въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго. Живое отношеніе къ природѣ есть существенный признакъ поэзіи вообще, отличающій ее отъ двойной прозы: житейско-практической и отвлеченно-научной. Въ минуты настоящаго поэтическаго вдохновенія и Шиллеръ забывалъ, конечно, о „законѣ тяготѣнія“ — и отдавался непосредственнымъ впечатлѣніямъ природной красоты. Но у Тютчева, какъ я уже замѣтилъ, важно и дорого то, что онъ не только *чувствовалъ*, а и *мыслилъ какъ* поэтъ, — что онъ былъ *убожденъ* въ *объективной* истинѣ поэтическаго воззрѣнія на природу. Какъ-бы прямымъ отвѣтомъ на Шиллеровскій похоронный гимнъ мнимо-умершей природѣ служить стихотвореніе Тютчева:

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней *есть* душа, въ ней *есть* свобода
Въ ней *есть* любовь, въ ней *есть* языкъ.

Вовсе не высшее *знаніе*, только собственная слѣпота и глухота заставляютъ людей отрицать внутреннюю жизнь природы:

Они не видятъ и не слышать,
Живутъ въ семь мірѣ какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца, знать, не дышать,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была;
И, языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза...

Кто-же правъ изъ двухъ поэтовъ? Есть жизнь и душа въ природѣ, или нѣтъ? Или, можетъ быть, существуютъ двѣ истины: одна для поэзіи, а другая — для науки? Но наука тутъ не при чемъ; она не отвѣчаетъ за тѣ ложные выводы, которые дѣлаются изъ ея достовѣрныхъ данныхъ въ силу односторонняго направленія мысли, возобладавшаго въ извѣстную эпоху. Наука никогда не доказывала — да по существу дѣла и не можетъ доказывать, что міръ есть *только* механизмъ, что природа есть *только* мертвое вещество. Различныя науки изслѣдуютъ природу *по частямъ* и находятъ между этими частями механическую связь; но такой естественной науки, которая изслѣдовала-бы вселенную въ ея единствѣ и цѣлости, вовсе не существуетъ, а логика, обязательная и для наукъ, не позволяетъ отъ анализа частей и ихъ внѣшней частичной связи дѣлать окончательное заключеніе о всеобщемъ характерѣ или смыслѣ цѣлаго. Вѣдь и въ тѣлѣ живого человѣка всѣ его части и частицы связаны между собою механически, — это не мѣшаетъ ему, однако, быть одушевленнымъ существомъ. Никто не рѣшится утверждать, что механическое устройство и дѣйствіе скелета, сосудистой, мускульной и нервной системъ, изучаемое точными науками — анатоміей и фізіологіей, — исчерпываетъ собою весь истинный смыслъ человѣческаго существа и существованія; напротивъ, каждый согласится, что весь этотъ механизмъ координированныхъ частей имѣетъ смыслъ только какъ орудіе или средство выраженія и осуществленія внутренней жизни или души человѣка. Точно также и механизмъ всей

природы есть только сложенная совокупность для проявленія и развитія всемірной жизни. Точное изученіе этого механизма въ высшей степени важно: оно даетъ человѣку возможность въ извѣстной мѣрѣ управлять естественными явленіями, пользоваться ими для своихъ цѣлей. Но ни теоретическій интересъ ни практическая польза такого изученія, не составляютъ еще достаточнаго основанія, чтобы видѣть здѣсь всю истину о природѣ: это въ сущности было-бы такъ-же странно, какъ если-бы кто-нибудь сталъ утверждать, что для полнаго и окончательнаго познанія человѣка нужно только вскрыть и препарировать его трупъ.

Противъ нашего заключенія отъ одушевленности человѣческаго тѣла къ одушевленности тѣла всемірнаго нельзя приводить то соображеніе, что живого человѣка мы дѣйствительно видимъ какъ замкнутое цѣлое въ нѣкоторомъ ощутительномъ единствѣ, — природу-же воспринимаемъ всегда лишь по частямъ. Ясно, что это различіе зависитъ не отъ существа дѣла, а отъ причины совершенно условной — отъ относительныхъ размѣровъ того и другого предмета. Для микроскопическихъ глазъ мухи вовсе не существуетъ цѣлаго гармоническаго очертанія человѣка или человѣческаго лица съ его выраженіемъ, да и для нашего собственнаго глаза самое прекрасное и одушевленное лицо превратилось-бы, при микроскопическомъ изслѣдованіи, въ безформенную массу грубыхъ тканей и клѣтокъ, механически нагроможденныхъ безъ всякой законченности и единства. Однако, когда я смотрю на это лицо, какъ на живое, узнаю въ его очертаніяхъ и измѣненіяхъ слѣды внутренняго опыта и выраженіе мыслей, чувствъ и желаній, вижу черезъ него душу и судьбу этого человѣка, то я, конечно, вижу несравненно *больше*, чѣмъ видитъ въ немъ самая наблюдательная муха, и узнаю о немъ болѣе полную истину, чѣмъ ту, которую могъ-бы узнать при помощи микроскопа. Никакъ не тѣ волокна и клѣтки, а именно это большее, содержательное и единое, что я вижу живымъ взглядомъ, — оно-то и есть *истина*, или подлинный *смыслъ* этого человѣческаго существа, а то все — только матеріаль, въ которомъ воплощается, посредствомъ котораго выражается эта истина или этотъ смыслъ.

Какъ тѣлесная видимость человѣка, сверхъ анатомическихъ и фیزیологическихъ фактовъ, говоритъ намъ еще своими

знаками о его внутренней жизни или душѣ, такъ точно и явленія всей природы, каковъ-бы ни былъ ихъ *механической составъ*, говорятъ намъ въ своей живой дѣйствительности о жизни и душѣ великаго міра. Ни логика ни сама естественная наука, не позволяютъ намъ разсуждать иначе и противопоставлять человѣка міру, какъ живое мертвому. Для взгляда исключительно-аналитическаго — и въ самомъ человѣкѣ нѣтъ живого и цѣлаго существа, а только механическая совокупность матеріальныхъ частицъ; для взгляда-же, направленнаго на полную истину, а не на одну только ея сторону, есть жизнь и во внѣшней природѣ. Послѣдовательная мысль должна выбирать между двумя положеніями: или ни въ чемъ, даже въ человѣкѣ, даже въ насъ самихъ, нѣтъ одушевленной жизни, или — она есть во всей природѣ, различаясь только по степенямъ и формамъ. Ибо нѣтъ никакой возможности, оставаясь на научной почвѣ, *отдѣлнить* человѣка въ этомъ отношеніи отъ остальнаго міра. Своею тѣлесною организаціей, которою обусловлено развитіе его внутренней жизни, человѣкъ принадлежитъ къ животному царству, а животныхъ никакъ нельзя выдѣлить изъ прочей природы и признать ихъ исключительными носителями жизни. На самомъ дѣлѣ животное царство неразрывно связано съ растительнымъ, имѣя съ нимъ первоначально одну общую основу органическаго бытія, до сихъ поръ еще представляемому такими организмами, которыхъ нельзя отнести ни къ животнымъ ни къ растениямъ. А цѣлый органическій міръ, при всемъ своемъ формальномъ *отличіи*, *нераздѣльно* связанъ однако, и по составу и по происхожденію, съ міромъ неорганическимъ. Утверждать безусловную грань между этими двумя мірами такъ-же въ сущности неосновательно и противно духу науки, какъ если-бы мы признали безусловную разнородность между твердымъ скелетомъ и мягкими тканями человѣческаго тѣла.

Нѣтъ во всей вселенной такой пограничной черты, которая дѣлила-бы ее на совершенно особенныя, не связанныя между собою области бытія; повсюду существуютъ переходныя, промежуточныя формы, или остатки такихъ формъ, и весь видимый міръ не есть собраніе дѣланыхъ вещей, а продолжающееся развитіе или ростъ единаго живого существа.

Глубокое и сознательное убѣжденіе въ дѣйствительной,

а не воображаемой только, одушевленности природы избавляло нашего поэта от того раздвоения между мыслию и чувствомъ, которымъ съ прошлаго вѣка и до послѣдняго времени страдаетъ большинство художниковъ и поэтовъ. Простодушно принимая механическое мировоззрѣніе за все-научное и единственно-научное, а потому несомнѣнное, вѣря ему на слово, эти служители красоты *не стрягъ въ свое дѣло*. Какъ художники, они передаютъ намъ жизнь и душу природы, но при этомъ въ умѣ своемъ убѣждены, что она безжизненна и бездушна, что ихъ чувство и вдохновеніе ихъ обманываютъ, — что красота есть субъективная иллюзія. А на самомъ дѣлѣ иллюзія только въ томъ, что отраженіе ходячихъ мнѣній на поверхности ихъ сознанія принимается ими за нѣчто болѣе достовѣрное, чѣмъ та истина, которая открывается въ глубинѣ ихъ собственнаго поэтическаго чувства.

Понятно, что при такомъ невѣрїи самихъ поэтовъ въ свое дѣло простые смертные приучаются смотрѣть на поэзію (и на художественную красоту вообще) какъ на праздный вымыселъ, и про всякую идею, возвышающуюся надъ житейскою плоскостью, говорить: „это только поэзія“! — разумѣя: „это вздоръ и пустяки“! И это же въ самомъ дѣлѣ станеть придавать серьезное значеніе тому божеству, въ которомъ сами его жрецы видятъ только прїятный вымыселъ?

Поэты, не вѣрящіе въ поэзію, у которыхъ умъ противорѣчить вдохновенію, и которые думаютъ, что истина есть только одна механика, — такіе поэты или должны быть неискренни, или же, отдаваясь поэтическому чувству, должны воздерживаться отъ всякой мысли, что не всегда возможно и не всегда полезно; когда же они начинаютъ разсуждать, у нихъ выходитъ отвлеченная и мертвая дидактика, вовсе не нуждающаяся въ „языкѣ боговъ“. Тютчевъ былъ избавленъ отъ такого печальнаго положенія. Его умъ былъ вполне согласенъ съ вдохновеніемъ: поэзія его была полна сознательной мысли, а его мысли находили себѣ только поэтическое, т.-е. одушевленное и законченное выраженіе.

Дѣло поэзіи, какъ и искусства вообще, — не въ томъ, чтобы „украшать дѣйствительность прїятными вымыслами живого воображенія“, какъ говорилось въ старинныхъ эстетикахъ, а въ томъ, чтобы воплощать въ *ощутительныхъ* образахъ тотъ самый высшій смыслъ жизни, которому фило-

софъ даетъ опредѣленіе въ разумныхъ понятіяхъ, который проповѣдуется моралистомъ и осуществляется историческимъ дѣятелемъ, какъ идея добра. Художественному чувству непосредственно открывается въ формѣ оцутительной красоты то же совершенное содержаніе бытія, которое философіей добывается какъ истина мышленія, а въ нравственной дѣятельности даетъ о себѣ знать, какъ безусловное требованіе совѣсти и долга. Это только различныя стороны или сферы проявленія одного и того же; между ними нельзя провести раздѣленія, и еще менѣе могутъ онѣ противорѣчить другъ другу. Если вселенная имѣетъ смыслъ, то двухъ противорѣчащихъ другъ другу истинъ — поэтической и научной. такъ же не можетъ быть, какъ и двухъ исключających другъ друга „высшихъ благъ“, или цѣлей существованія. Слѣдовательно, правъ былъ нашъ поэтъ, когда прекрасное онъ сознательно принималъ и утверждалъ не какъ вымыселъ, а какъ предметную истину, и, чувствуя жизнь природы и душу міра, былъ убѣжденъ въ дѣйствительности того, что чувствовалъ.

Убѣжденіе въ истинности поэтическаго воззрѣнія на природу и вытекающая отсюда цѣльность творчества, гармонія между мыслью и чувствомъ, вдохновеніемъ и сознаниемъ. составляетъ преимущество Тютчева даже передъ такимъ значительнымъ поэтомъ-мыслителемъ, какъ Шиллеръ; но разумѣется, это не есть *исключительное* преимущество нашего поэта или специфическая особенность его поэзіи. И въ новой литературѣ далеко не всѣ поэты такъ довѣрчиво, какъ Шиллеръ, приняли механическое міровоззрѣніе, такъ легко усвоили дуализмъ Картезія или субъективизмъ Канта. Многіе продолжали и продолжаютъ сознательно вѣрить въ дѣйствительность жизни и красоты, не видя въ этомъ никакого противорѣчія съ маятникомъ Галилея или закономъ тяготѣнія Ньютона. Между великими европейскими именами достаточно назвать Шелли въ Англіи и особенно Гёте въ Германіи. Гёте, который былъ не только поэтъ и мыслитель, но и великій естествоиспытатель, положившій начало двумъ интереснѣйшимъ наукамъ — сравнительной анатоміи животныхъ и морфологіи растений, — лучше, чѣмъ кто-либо другой, могъ видѣть всю недостаточность исключительно-механическаго объясненія вселенной, и въ цѣломъ рядѣ великолѣпныхъ

стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Gott und Welt“, онъ прославляетъ душу міра и жизнь природы.

Конечно, Тютчевъ не рисовалъ такихъ грандіозныхъ картинъ міровой жизни въ цѣломъ ходѣ ея развитія, какую мы находимъ у Гёте, на примѣръ, въ стихотвореніи: „Vertheilet euch durch alle Regionen“... Но и самъ Гёте не захватывалъ, быть можетъ, такъ глубоко, какъ нашъ поэтъ, *темный корень* мірового бытія, не чувствовалъ такъ сильно и не сознавалъ такъ ясно ту *таинственную основу всякой жизни*, — природной и человѣческой, — основу, на которой зиждется и смыслъ космическаго процесса, и судьба человѣческой души, и вся исторія человѣчества. Здѣсь Тютчевъ дѣйствительно является вполне своеобразнымъ и если не единственнымъ, то, навѣрное, самымъ сильнымъ во всей поэтической литературѣ. Въ этомъ пунктѣ — ключъ ко всей его поэзіи, источникъ ея содержательности и оригинальной прелести.

„Олимпіецъ“ Гёте обнималъ своимъ орлинымъ взглядомъ величіе и красоту живой вселенной. Онъ зналъ, конечно, что этотъ свѣтлый, дневной міръ не есть первоначальное, что подъ нимъ скрыто совсѣмъ другое и страшное, но онъ не хотѣлъ останавливаться на этой мысли, чтобы не смущать своего олимпійскаго спокойствія. Но при такомъ одностороннемъ взглядѣ *смысл* вселенной не можетъ быть раскрытъ во всей своей глубинѣ и полнотѣ. Нашъ поэтъ одинаково чутковъ къ обѣимъ сторонамъ дѣйствительности; онъ никогда не забываетъ, что весь этотъ свѣтлый, дневной обликъ живой природы, который онъ такъ умѣетъ чувствовать и изображать, есть пока лишь „златотканый покровъ“, расцвѣченная и позолоченная вершина, а не основа мірозданія:

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безыменной,
Покровъ наброшенъ златоткан-
ный

Высокой волею боговъ.
День — сей блистательный по-
кровъ,
День — земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,

Другъ человѣковъ и боговъ!
Но меркнетъ день, настала ночь;
Пришла — и съ міра рокового
Тканъ благодатную покова,
Собравъ, отбрасываетъ прочь...
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна!

„День“ и „ночь“, конечно, только видимые символы двухъ сторонъ вселенной, которыя могутъ быть обозначены и безъ

метафоръ. Хотя поэтъ называетъ здѣсь темную основу міро-
зданія „бездною *безыменною*“, но ему сказалось и собственное
ея имя, когда онъ прислушивался къ напѣвамъ ночной бури :

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,	О, <i>страшныхъ</i> гѣсенъ сихъ не пой
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?	Про <i>древній хаосъ</i> , про родимый!
Что значить странный голосъ	Какъ жадно міръ души ночной
твой,	Внимаетъ повѣсти любимой!
То глухо-жалобный, то шумный?	Изъ смертной рвется онъ груди
Понятнымъ сердцу языкомъ	И съ <i>безпредѣльнымъ</i> жаждетъ
Твердишь о непонятной мукъ,	слиться...
И роешь, и взрываешь въ немъ	О, бурь уснувшихъ не буди;
Порой неистовые звуки.	Подъ ними хаосъ шевелится!...

Хаосъ, т.-е. отрицательная безпредѣльность, зияющая бездна всякаго безумія и безобразія, демоническіе порывы, возстающіе противъ всего положительнаго и должнаго — вотъ глубочайшая сущность міровой души и основа всего мірозданія. Космическій процессъ вводитъ эту хаотическую стихію въ предѣлы всеобщаго строя, подчиняетъ ее разумнымъ законамъ, постепенно воплощая въ ней идеальное содержаніе бытія, давая этой дикой жизни смыслъ и красоту. Но и введенный въ предѣлы всемірнаго строя, хаосъ даетъ о себѣ знать мятежными движеніями и порывами. Это присутствіе хаотическаго, ирраціональнаго начала въ глубинѣ бытія сообщаетъ различнымъ явленіямъ природы ту свободу и силу, безъ которыхъ не было бы и самой жизни и красоты. Жизнь и красота въ природѣ — это борьба и торжество свѣта надъ тьмою, но этимъ необходимо предполагается, что тьма есть дѣйствительная сила. И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена въ торжествѣ міровой гармоніи: достаточно, чтобы свѣтлое начало овладѣло ею, подчинило ее себѣ, до извѣстной степени воплотилось въ ней, ограничивая, но не упраздняя ея свободу и противоборство. Такъ безбрежное море въ своемъ бурномъ волненіи *прекрасно*, какъ проявленіе и образъ мятежной жизни, гигантскаго порыва стихійныхъ силъ, введенныхъ, однако, въ незыблемые предѣлы, не могущихъ расторгнуть общей связи мірозданія и нарушить его строя, а только наполняющихъ его движеніемъ, блескомъ и громомъ:

Какъ хорошо ты, о, море ночное,
Здѣсь лучезарно, тамъ сизо-черно!
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,

Узнать, и узнать, и сомнеть не,
На безвечность, на вольность простоты
Блеск и привлекать, прожить и прожить...
Тучамъ слышать обитие море,
Какъ хорошо имъ въ безднѣ вечности,
Звѣзды въ величьи, звѣзды въ мощи,
Сей умъ правдивый такъ правдивый умъ
Большой восторг, прома и свѣдѣнье,
Чуждымъ звѣздамъ слышать съ восторгомъ...

Характерное само безобразие, есть выразительный фонъ всякой
красоты, и эстетическое значение такъ явнѣе,
какъ бурное море или ночная гроза, заставить именно оттого,
что „доля нѣтъ хлѣсъ привлекать“. Въ изображеніи всѣхъ
этихъ явленій природы, гдѣ вообще чувствуется ее темная
сила, Тютчевъ не любитъ себя разнѣтъ:

Не оставшая отъ зноя,	Слова гремя рѣчица
Ночь белыми блестя,	Разверзшаяся гроза,
И какъ тучамъ земляю	И сколько обитая зарница
Небо, шлепая грозою,	Чѣмъ-то грознымъ звѣздамъ
Отъ зарницъ все трепеща,	Загорались какъ земляю.

Этотъ поразительный образъ гениально заканчивается поэтомъ въ другомъ стихотвореніи:

.....	И быстро вылетѣть изъ тучъ
Слѣдъ зарницъ огневыхъ,	Полы и дѣлать гдѣ!
Земляничаясь черной,	И вотъ обуть все потемнѣло,
Какъ слышимъ шипѣнье,	Все стило въ чужой темнотѣ,
Бѣжитъ бѣжитъ жавъ собой,	Какъ бы вылетѣть отъ
Какъ по условленному знаку,	Рысало тамъ — на высотѣ...
Взруть неба вслѣдуетъ полосу,	

Частными явленіями суть знаки общей сущности. Поэтъ ухватить
читать эти знаки и понимать ихъ смыслъ. „Тайственное
дѣло“, разговоръ „глухонѣмыхъ демоновъ“ — вотъ начало и
основа всей мировой исторіи. Положительное, свѣдое начало
космоса сдерживаетъ эту темную бездну и постепенно пре-
одоливаетъ ее. Въ послѣднемъ, высшемъ произведеніи миро-
вого процесса — человѣкъ — внѣшній свѣтъ природы стано-
вится внутреннимъ свѣтомъ сознанія и разума. — идеальное
начало вступаетъ здѣсь въ новое, болѣе глубокое и тѣсное
сочетаніе съ земною душою; но, соответственно этому, глубже
раскрывается въ душѣ человѣка и противоположное, демо-
ническое начало хаоса. Ту темную основу міроздавнiя, которому

онъ чувствуетъ и видитъ во внѣшней природѣ подѣ „златотканнымъ покровомъ“ космоса, онъ находитъ и въ своемъ собственномъ сознаніи, —

И въ чуждомъ, неразгаданномъ, ночномъ
Онъ узнаетъ *настыде рокового.*

Главное проявленіе душевной жизни человѣка, открывающее ея смыслъ, есть любовь, и тутъ опять нашъ поэтъ сильнѣе и яснѣе другихъ отмѣчаетъ ту самую демоническую и хаотическую основу, къ которой онъ былъ чутокъ въ явленіяхъ внѣшней природы. Этому вовсе не противорѣчитъ прозрачный, одухотворенный характеръ тютчевской поэзіи. Напротивъ, чѣмъ свѣтлѣе и духовнѣе поэтическое созданіе, тѣмъ глубже и полнѣе, значить, было прочувствовано и пережито то темное, не духовное, что требуетъ просвѣтленія и одухотворенія.

Жизнь души сосредоточенная въ любви, есть по основѣ своей *злая жизнь*, смущающая миръ прекрасной природы:

Что это, другъ? Иль злая жизнь не даромъ,
Та жизнь—увы!—что въ насъ тогда текла,
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

Эта злая и горькая жизнь любви убиваетъ и губить:

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

И это не есть случайность, а роковая необходимость земной любви, ея *предопредѣленіе*:

Любовь, любовь,—гласитъ преданье,—
Союзъ души съ душой родной,
Ихъ соединенье, сочетанье,
И роковое ихъ слянье,
И поединокъ роковой.
И чѣмъ одно изъ нихъ нѣжнѣе
Въ борьбѣ неравной двухъ сердець,
Тѣмъ неизбѣжнѣй и вѣрнѣе,
Любя, страдая, грустно млѣя,
Оно изнаетъ наконецъ.

„Злая жизнь“, превращающая самую любовь въ роковую

Борьбу, должна кончиться смертью. Но въ чемъ же тогда смыслъ существованія? Смыслъ природы былъ въ созданіи разумнаго существа — человѣка. Но разумъ въ природномъ человѣкѣ оказывается лишь формальнымъ преимуществомъ; онъ не въ силахъ овладѣть самою жизнью, сдѣлать ее разумною и безсмертною; на зло разуму и на погибель человѣка поднимается и въ немъ демоническое и хаотическое безуміе. Какъ въ міровомъ процессѣ природы темное начало хаоса преодолевалось внѣшнимъ образомъ, чтобы произвести свѣтлое мірозданіе, увѣнчанное явленіемъ человѣческаго разума, — такъ теперь таже самая темная основа, открывшаяся на новой, высшей ступени въ жизни и сознаніи человѣка, должна быть побѣждена внутреннимъ образомъ, въ самомъ человѣчествѣ и при его собственномъ содѣйствіи. Достойная и вѣчная жизнь, которая требуется, но не дается разумомъ, должна быть добыта духовнымъ подвигомъ. Носитель мірового смысла не можетъ имѣть свой смыслъ *отъ* себя. Если я, какъ человѣкъ, могу понимать откровеніе абсолютнаго совершенства и сознательно стремиться къ нему, то зачѣмъ же мнѣ переставать быть человѣкомъ, чтобы достигнуть этого совершенства? Если мое сознаніе, какъ форма, можетъ вмѣстить безконечное, то зачѣмъ же мнѣ искать другой формы? Очевидно, я долженъ быть не сверхъ-человѣкомъ, а только совершеннымъ человѣкомъ, т. е. соответствующимъ въ дѣйствительности идеалу человѣчности.

Смыслъ человѣка есть онъ самъ, но только не какъ рабъ и орудіе злой жизни, а какъ ея побѣдитель и владыка. Если загадка мірового сфинкса разрѣшена явленіемъ природнаго человѣка, то загадка новаго сфинкса — души и любви человѣческой — разрѣшается явленіемъ духовнаго человѣка, дѣйствительнаго и вѣчнаго царя мірозданія, покорителя грѣха и смерти. И какъ первое явленіе разумнаго сознанія произошло въ природѣ и *изъ* природы, но *не отъ* природы, а отъ того разума, который изначала устроялъ самую природу для этого явленія и цѣлесообразно направлялъ естественный ходъ всемірнаго процесса, — подобнымъ образомъ и первое явленіе совершенной духовной жизни произошло въ человечествѣ и *изъ* человечества, но *не отъ* человечества, а отъ Того, Кто изначала вложилъ въ свой образъ и подобіе зародышъ высшаго совершенства, и какъ Грядущій приго-

товляя чрезъ всю исторію необходимыя условія своего дѣйствительнаго воплощенія.

Примкнуть къ „Вождю на пути совершенства“, замѣнить роковое и убійственное наслѣдіе древняго хаоса духовнымъ и животворнымъ наслѣдіемъ новаго человѣка, или Сына человѣческаго,—первенца изъ мертвыхъ,—вотъ единственный исходъ изъ „злой жизни“ съ ея кореннымъ раздвоеніемъ и противорѣчіемъ,—исходъ котораго не могла миновать вѣщая душа поэта:

О, вѣщая душа моя,
О, сердце полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогъ
Какъ бы двойного бытія!..
Такъ, ты — жилище двухъ міровъ:
Твой день — болѣзненный и страстный,
Твой сонъ — пророчески-неясный,
Какъ откровеніе духовъ...
Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя,—
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть...

„Роковое наслѣдіе“ темныхъ силъ въ нашей душѣ не есть что-нибудь личное, оно одинаково принадлежитъ всему человѣчеству,— таково же и духовное наслѣдіе Христово: оно явилось не для одиночнаго утѣшенія отдѣльнаго человѣка, а для спасенія всего человѣчества. Но что такое это человѣчество, въ чемъ оно реально воплощается, гдѣ его дѣйствительное единство? На это у Тютчева былъ опредѣленный отвѣтъ, который я здѣсь только укажу, не осуаривая и не подтверждая его.

Какъ во всей природѣ нашъ поэтъ признавалъ живую душу, которою держится единство и цѣлостъ міра, подобнымъ же образомъ онъ признавалъ и живую душу человѣчества, и видѣлъ ее—въ Россіи. Какъ по словамъ одного учителя церкви, душа человѣческая *по природѣ* христіанка, такъ Тютчевъ считалъ Россію по природѣ христіанскимъ царствомъ. Такъ какъ смыслъ исторіи въ христіанствѣ, то Россія, какъ страна, по преимуществу, христіанская, призвана внутренне обновить и внѣшнимъ образомъ объединить все человѣчество.

Для Тютчева Россія была не столько предметомъ любви, сколько вѣры — „въ Россію можно только вѣрить“. Личныя

чувства его къ роднѣ были очень сложны и многоцвѣтны. Было въ нихъ даже нѣкоторое отчужденіе, съ другой стороны — благоговѣніе къ религіозному характеру народа: „всю тебя, земля родная, — въ рабскомъ видѣ — Царь Небесный исходилъ, благословляя“, — бывали въ нихъ, наконецъ, минутныя увлеченія самымъ обыкновеннымъ шовинизмомъ.

Тютчевъ не любилъ Россію той любовью, которую Лермонтовъ называетъ почему-то „странною“. Къ русской природѣ онъ скорѣе чувствовалъ антипатію. „Сѣверъ роковой“ былъ для него „сновидѣнемъ безобразнымъ“; родныя мѣста онъ прямо называетъ *не милыми*:

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста немилыя, хотъ и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые.

Ахъ, нѣтъ! не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ,
Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!..

Значить его вѣра въ Россію не основывалась на непосредственномъ органическомъ чувствѣ, а была дѣломъ сознательно выработаннаго убѣжденія. Первое, еще неопредѣленное, но зато высоко-поэтическое выраженіе этой вѣры онъ далъ еще въ молодости — въ прекрасномъ стихотвореніи: *На взятіе Варшавы*. Въ своей борьбѣ съ братскимъ народомъ Россія руководилась не звѣрскими инстинктами, а только необходимостью „державы цѣлость соблюсти“, для того, чтобы —

Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И вестъ на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать.
И это высшее созданье
Вело нашъ доблестный народъ;
Путей небесныхъ оправданье
Онъ смѣло на себя беретъ.
Онъ чуетъ надъ своей главою
Звѣзду въ незримой высотѣ,
И неуклонно за звѣздою
Идетъ къ таинственной мечтѣ.

Эта вѣра въ высокое призваніе Россіи возвышаетъ самого поэта надъ мелкими и злобными чувствами національнаго соперничества и грубаго торжества побѣдителей. Необычно у патріотическихъ пѣвцовъ гуманностью дышатъ заключительные стихи, обращенные къ Польшѣ:

Ты жь, братскою стрѣлой прозенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ!
Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепелъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ Фениксъ возродится въ немъ!

Позже — вѣра Тютчева въ Россію высказывалась въ про-
рочествахъ болѣе опредѣленныхъ. Сущность ихъ въ томъ,
что Россія сдѣлается всемірною христіанскою монархіей, —

...и не преидеть во вѣкъ,
Какъ то провидѣлъ Духъ и Давидъ предрекъ.

Одно время условіемъ для этого великаго событія онъ считалъ соединеніе Восточной церкви съ Западною чрезъ соглашеніе Царя съ Папой, но потомъ отказался отъ этой мысли, находя, что папство несовмѣстимо со свободой совѣсти, т.-е. съ самою существенною принадлежностью христіанства.

Отказавшись отъ надежды мирнаго соединенія съ Западомъ, нашъ поэтъ продолжалъ предсказывать превращеніе Россіи во всемірную монархію, простирающуюся, по крайней мѣрѣ, до Нила и до Ганга съ Царьградомъ, какъ столицей. Но эта монархія не будетъ, по мысли Тютчева, подобіемъ звѣринаго царства Навуходоносорова, — ея единство не будетъ держаться насиліемъ. По поводу извѣстнаго изреченія Бисмарка, Тютчевъ противопоставляетъ другъ другу *два единства*:

„Единство* — возвѣстилъ оракуль нашихъ дней —
„Быть можетъ спасено желѣзомъ лишь и кровью“;
Но мы попробуемъ спаять его любовью, —
А тамъ увидимъ, что прочіи...“

Великое призваніе Россіи предписываетъ ей держаться единства, основнаго на духовныхъ началахъ; не гнилою

тяжестью земного оружія должна она облечься, а „чистою ризою Христовою“.

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?
Блеснетъ твой лучъ и оживить,
И сонъ разгонитъ и туманы..
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидь,
Расгнѣныя душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердца вноеть...
Кто ихъ излѣчить, кто прикроетъ?—
Ты, риза чистая Христа...

Мнѣ остается только прибавить нѣсколько словъ, чтобы изъ патриотическихъ пророчествъ нашего поэта извлечь ихъ окончательный смыслъ.

Допустимъ, становясь на точку зрѣнія Тютчева, что Россія — душа человѣчества. Но, какъ въ душѣ природнаго міра, и въ душѣ отдѣльнаго человѣка свѣтлое духовное начало имѣетъ противъ себя темную хаотическую основу, которая еще не побѣждена, еще не подчинилась высшимъ силамъ, — которая еще борется за преобладаніе и влечетъ къ смерти и гибели, — точно такъ же, конечно, и въ этой собирательной душѣ человѣчества, т.-е. въ Россіи. Ея жизнь еще не опредѣлилась окончательно, она еще двоится, увлекаемая въ разныя стороны противоборствующими силами. Воплотилась ли уже въ ней свѣтъ истины Христовой; спаяла ли она единство всѣхъ своихъ частей любовью? Самъ поэтъ признаетъ, что она еще не покрыта ризою Христа.

Значитъ, — можно сказать поэту, — судьба Россіи зависить не отъ Царьграда и чего-нибудь подобнаго, а отъ исхода внутренней нравственной борьбы свѣтлаго и темнаго начала въ ней самой. Условіе для исполненія ея всемірнаго призванія есть внутренняя побѣда добра надъ зломъ въ ней, а Царьградъ и прочее можетъ быть только слѣдствіемъ, а никакъ не условіемъ желаннаго исхода. Пусть Россія, хотя бы безъ Царьграда, хотя бы въ настоящихъ своихъ предѣлахъ, станетъ христіанскимъ царствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова — царствомъ правды и милости — и тогда все остальное, — навѣрное, — приложится ей. *Владимиръ Соловьевъ.*

Творчество Тютчева.

Стихи Тютчева представляют тот же характер внутренней искренности и необходимости. Вот почему он и долженъ быть причисленъ къ Пушкинскому періоду, хотя, по особенной случайности, его стихи проникли въ русскую печать уже тогда, когда почти отзвучали пѣсни Пушкина и прочихъ нашихъ поэтовъ, когда время властительства поэзіи надъ умами уже миновало. Десятками лѣтъ пережилъ Тютчевъ и Пушкина, и весь его поэтический періодъ, но оставался вѣренъ себѣ и своему таланту. Не переставая быть „современнѣйшимъ изъ современниковъ“ по своему горячему сочувствію къ совершающейся кругомъ его жизни, онъ, среди диссонансовъ новѣйшей поэзіи, продолжалъ дарить насъ гармоніей стариннаго, но никогда не старѣющаго, поэтическаго строя. Онъ былъ среди насъ подобно мастеру какой-либо старой живописной школы, еще живущей и творящей въ его лицѣ, но не допускающей ни повторенія ни подражанія.

Отмѣтивъ эту общую историческую черту его поэзіи, перейдемъ теперь къ особенностямъ его таланта.

Стихи Тютчева отличаются такою *непосредственностью творчества*, которая, въ равной степени по крайней мѣрѣ, едва ли встрѣчается у кого-либо изъ поэтовъ. Поэзіи не была для него сознательною спеціальностью, своего рода литературнымъ *Fach*, какъ выражаются нѣмцы, общественнымъ, офиціальнымъ положеніемъ или же такою обязанностью, которую и самъ поэтъ невольно признаетъ за собой, признаютъ и другіе за нимъ; напротивъ, до 1836 года, никто въ немъ и не признаетъ поэта, т.-е. до той поры, какъ служившій въ Мюнхенѣ князь Иванъ Гагаринъ, собравъ цѣлую тетрадь его стихотвореній, привезъ ее въ Пушкину, и Пушкинъ далъ имъ мѣсто въ своемъ „Современникѣ“, хотя и безъ подписи полного имени Тютчева. Съ 1840 года его стихи снова перестаютъ появляться въ печати, и такое воздержаніе отъ печатной гласности продолжается четырнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ Тютчевъ не напечаталъ ни строчки, хотя и не переставалъ писать. Но какъ писать? На вопросъ: надъ чѣмъ вы теперь работаете, онъ не могъ бы

отвѣчать, подобно другимъ: „пишу стихи: вчера кончилъ стихотвореніе къ Аглаѣ, сегодня додѣлаю „Огнедышущую гору“; имѣю намѣреніе обработать въ стихахъ такой-то сюжетъ“. Онъ былъ поэтъ по призванію, которое было могущественнѣе его самого, но не по *профессіи*. Онъ священнодѣйствовалъ, какъ поэтъ, но не замѣчая, не сознавая самъ своего священнодѣйствія, не облакаясь въ жреческую хламиду, не исполняясь нѣкотораго благоговѣнія къ себѣ и своему жречеству. Его умъ и его сердце были, повидимому, постоянно заняты: умъ виталъ въ области отвлеченныхъ, философскихъ или историческихъ помысловъ; сердце искало живыхъ ощущеній и тревоженій; но прежде всего и во всемъ онъ былъ поэтъ, хотя собственно стиховъ онъ оставилъ по себѣ, сравнительно, и не очень много. Стихи у него не были плодомъ *труда*, хотя бы и вдохновеннаго, но все же труда, подчасъ даже усидчиваго у иныхъ поэтовъ. Когда онъ ихъ писалъ, то писалъ невольно, удовлетворяя настоятельной, неотвязчивой потребности, потому что онъ не могъ ихъ не написать: вѣрнѣе сказать, онъ ихъ не писалъ, а только *записывалъ*. Они не *сочинялись*, а *творились*. Они сами собой складывались въ его головѣ, и онъ только *ронялъ* ихъ на бумагу, на первый попавшійся лоскутокъ. Если же некому было припрятать къ мѣсту оброненное, подобрать эти лоскутки, то они нерѣдко и пропадали. Эти-то лоскутки и постарался подобрать князь И. Гагаринъ, когда вздумалъ показать стихи Тютчева Пушкину; но очень можетъ быть, что многое пропало и истребилось безвозвратно. Къ Тютчеву именно примѣняются слова Гётевскаго пѣвца:

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnt;
Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же состояла *награда*, Lohn, пѣвца Тютчева, во время его 22-лѣтняго пребыванія за границею, какъ не въ самой спѣтой пѣснѣ, никѣмъ кромѣ

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ К. С. Аксакова:
Пою какъ птица вольная,
Что по вѣтвямъ летаетъ.
И пѣснь свободная моя
Богато награждаетъ.

его не слышимой? Условіемъ всякаго преуспѣянія таланта считается сочувственная среда, живой обмѣнъ впечатлѣній. А Тютчеву четверть вѣка приходилось пѣть какъ бы въ безвоздушномъ пространствѣ. Когда читаешь, напримѣръ, его стихи, писанные къ первой женѣ и къ другимъ иностранкамъ, ни слова не знавшимъ по-русски, да едва ли и подозрѣвшимъ въ немъ поэта, невольно спрашиваешь себя: для чего же и для кого онъ писалъ? Уже гораздо позже, въ Россіи, когда подросли его дочери и вторая его супруга выучилась по-русски, стали тщательно наблюдать за нимъ и подбирать лоскутки съ его стихами, а иногда и записывать стихи прямо подъ его диктовку. Такъ, однажды, въ осенній дождливый вечеръ, возвратясь домой на извозчичьихъ дрожкахъ, почти весь промокшій, онъ сказалъ встрѣтившій его дочери: j'ai fait quelques rimes, и пока его раздѣвали, продиктовалъ ей слѣдующее прелестное стихотвореніе:

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистоимыя, неисчислимыя,
Льетесь какъ льются струи дождевыя,
Въ осень глухую, порою ночной...

Здѣсь почти наглядень для насъ тотъ истинно-поэтический процессъ, которымъ внѣшнее ощущеніе капель частаго осенняго дождя, лившаго на поэта, пройдя сквозь его душу, претворяется въ ощущеніе слезъ и облекается въ звуки, которые, сколько словами, столько же самою музыкальностью своею, воспроизводятъ въ насъ и впечатлѣніе дождливой осени, и образъ плачущаго людского горя... И все это въ шести строчкахъ!

Еще болѣе объяснится намъ характеръ его поэтическаго творчества, когда мы припомнимъ, что этотъ человѣкъ, по его собственному признанію, тверже выражалъ свою мысль по-французски, нежели по-русски, свои письма и статьи писалъ исключительно на французскомъ языкѣ и, конечно, на девять десятыхъ болѣе говорилъ въ своей жизни по-французски, чѣмъ по-русски. А между тѣмъ стихи у Тютчева творились *только по-русски*. Значитъ, изъ глубочайшей глубины его духа была включомъ у него поэзія, изъ глубины недостигаемой даже для его собственной воли; изъ тѣхъ

тайниковъ, гдѣ живетъ наша первообразная природная стихія, гдѣ обитаетъ самая правда человѣка... Здѣсь кстати привести то, что самъ Тютчевъ высказалъ уже въ 1861 году, въ стихахъ на юбилей князя Вяземскаго, по поводу „музы“ этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ поэта:

Давайте жъ, князь, поднимаемъ въ честь богинѣ
Вашъ полный пѣнистый фіалъ,
Богинѣ въ честь, *хранившей благородно*
Залогъ всего, что свято для души,
Родную рѣчь...

Тютчевъ могъ еще съ большимъ основаніемъ обратиться это воззваніе къ своей собственной музы.

Само собой разумѣется, что при подобномъ процессѣ творчества, Тютчевъ не способенъ былъ ничего творить въ обширномъ размѣрѣ. Поэтому самыя лучшія его стихотворенія — короткія; они цѣльны, словно отлиты изъ одного куска чистаго золота. Въ его талантѣ, какъ уже и замѣчено было нашими критиками, нѣтъ никакихъ эпическихъ или драматическихъ началъ. Его поэзія, какъ выразились бы нѣмецкіе эстетики, вполне *субъективна*; ея поводъ — всегда въ личномъ ощущеніи, впечатлѣніи и мысли; она неспособна отрѣшиться отъ личности поэта и гостить въ области вымысла, въ мірѣ внѣшнемъ, отвлеченномъ, чуждомъ его личной жизни. Онъ ничего не выдумывалъ, а только *выражался*. Онъ не былъ тѣмъ *maestro*, тѣмъ художникомъ-*хозяйномъ* въ поэзіи, какимъ, на примѣръ, является Пушкинъ, этотъ полновластный распорядитель звуковъ и формъ, разнообразно направлявшій силы своего генія, по указанію своей свободной поэтической воли, умѣвшій творить не однимъ мгновеннымъ наитіемъ вдохновенія, но и медленнымъ вдохновеннымъ трудомъ. Да и у всѣхъ поэтовъ, рядомъ съ непосредственнымъ творчествомъ, слышится *дѣланіе*, обработка. У Тютчева дѣланнаго нѣтъ ничего: все творится. Оттого нерѣдко въ его стихахъ видна какая-то внѣшняя небрежность: попадаютъ слова устарѣлыя, вышедшія изъ употребленія, встрѣчаются неправильныя рѣзны, которыя, при малѣйшей наружной отдѣлкѣ, легко могли бы быть замѣнены другими.

Этимъ опредѣляется и отчасти ограничивается его значеніе, какъ поэта. Но это же придаетъ его поэзіи какую-то особенную прелесть задумчивости и личной искренности.

Хомяковъ — самъ лирическій стихотворецъ — говорилъ, и по нашему мнѣнію справедливо, что не знаетъ другихъ стиховъ, кромѣ Тютчевскихъ, которые бы служили лучшимъ образцомъ *чистѣйшей* поэзіи, которые бы въ такой мѣрѣ, *насквозь, durch und durch*, были проникнуты поэзіей. *Аксаковъ.*

Особенности содержания и формы поэзіи Тютчева.

Тютчевъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ; мы скажемъ болѣе: въ нашихъ глазахъ, какъ оно ни обидно для самолюбія современниковъ, Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратьевъ по Аполлону. Легко указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его болѣе даровитые изъ теперешнихъ¹⁾ нашихъ поэтовъ: на плѣнительную, хотя нѣсколько однообразную, грацію Фета, на энергическую, часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова; но на одномъ Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ; въ немъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность его съ жизнью автора, — словомъ, хотя часть того, что въ полномъ развитіи своемъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій. Кругъ Тютчева не обширенъ — это правда, но въ немъ онъ дома. Талантъ его не состоитъ изъ безсвязно разбросанныхъ частей: онъ замкнутъ и владѣетъ собою; въ немъ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ элементовъ чисто лирическихъ, но эти элементы опредѣлительно ясны и срослись съ самою личностью автора; отъ его стиховъ не вѣетъ сочиненіемъ; они всѣ кажутся написанными на извѣстный случай, какъ того хотѣлъ Гёте, то-есть они не придуманы и выросли сами, какъ плодъ на деревѣ, и по этому драгоценному качеству мы узнаемъ, между прочимъ, вліяніе на нихъ Пушкина, видимъ въ нихъ отблескъ его времени.

Стихотворенія Тютчева отличаются неподдѣльностью его вдохновенія, тѣмъ поэтическимъ дуновеніемъ, которымъ вѣетъ

¹⁾ Статья писана въ 1854 г.

ъ его страницъ; подъ наитіемъ этого вдохновенія, самый языкъ Тютчева часто поражаетъ читателя счастливою смѣлостью и почти пушкинскою красотою своихъ оборотовъ. Любопытно также наблюдать, какимъ образомъ зарождались въ душѣ автора тѣ, въ сущности немногочисленные, стихотворенія (ихъ не болѣе ста), которыми онъ означилъ пройденный свой путь. Если мы не ошибаемся, каждое его стихотвореніе начиналось мыслью, но мыслью, которая, какъ снѣжная точка, всплывала подъ вліяніемъ глубокаго чувства или сильнаго впечатлѣнія; вслѣдствіе этого, если можно такъ выразиться, свойства происхожденія своего, мысль Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда дѣлается съ образомъ, взятымъ изъ міра души или природы, проникается имъ, и сама его проникаетъ нераздѣльно и неразрывно. Исключительно почти мгновенно лирическое настроеніе оэзиса Тютчева заставляетъ его выражаться сжато и кратко, какъ бы окружить себя стыдливо-тѣсною и изящною чертою; оэту нужно высказать одну мысль, одно чувство, слиться мѣстѣ, и онъ, большею частью, высказываетъ ихъ единымъ образомъ, именно потому, что ему нужно высказаться, потому что онъ не думаетъ ни щеголять своимъ ощущеніемъ передъ другими ни играть съ нимъ передъ самимъ собой. Въ этомъ смыслѣ поэзія его заслуживаетъ названія дѣльной, — о-есть искренней, серіозной. Самые короткія стихотворенія Тютчева почти всегда самыя удачныя. Чувство природы въ немъ необыкновенно тонко, живо и вѣрно. Сравненія человѣческаго міра съ родственнымъ ему міромъ природы никогда не бывають натянуты и холодны у Тютчева, не отзываются наставническимъ тономъ, не стараются служить поясненіемъ какой-нибудь обыкновенной мысли, явившейся въ головѣ автора и принятой имъ за собственное открытіе. Кромѣ всего этого, въ Тютчевѣ замѣтенъ тонкій вкусъ — плодъ многосторонняго образованія, чтенія и богатой жизненной опытности. Языкъ страсти, языкъ женскаго сердца ему знакомъ и дается ему. Стихотворенія Тютчева, почерпнутыя имъ не изъ собственнаго родника, какъ-то: „Наполеонъ“ и др., намъ нравятся менѣе. Въ дарованіи Тютчева нѣтъ нивакихъ драматическихъ или эпическихъ началъ, хотя умъ его, безспорно, проникъ во всѣ глубины современныхъ вопросовъ исторіи.

И. Т.

Личность Тютчева.

Въ 1822 году переѣздъ изъ Россіи за границу значиль не то, что теперь. Это просто былъ временный разрывъ съ отечествомъ. Желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ тогда еще и въ поминѣ не было; почтовые сообщенія совершались медленно; русскіе путешественники были рѣдки. Отторгнутый отъ Россіи въ самой ранней, нѣжной молодости, когда ему было съ небольшимъ 18 лѣтъ, закинутый въ дальній Мюнхенъ, предоставленный самъ себѣ, Тютчевъ одинъ, безъ руководителей, переживаетъ на чужбинѣ весь процессъ внутренняго развитія, отъ юности до зрѣлаго мужества, и возвращается въ Россію на водвореніе, когда ему пошелъ уже пятый десятокъ лѣтъ. Двадцать два года лучшей поры жизни проведены Тютчевымъ за границею...

Представимъ же его себѣ одного, брошеннаго чуть не мальчикомъ въ водоворотъ высшаго иностраннаго общества, окруженнаго всѣми соблазнами большого свѣта, искушаемаго собственными дарованіями, которыя тотчасъ же, съ перваго его появленія въ этой блестящей европейской средѣ, доставили ему столько сочувствія и успѣха, — наконецъ, любимаго, балуемаго женщинами, съ сердцемъ, падкимъ на увлеченія страстныя, безоглядочныя... Какъ, казалось бы, этой 18-лѣтней юности не поддаться обольщеніямъ тщеславія, даже гордости? Какъ не растратить въ этомъ вихрѣ суеты, въ обаяніи внѣшней жизни, сокровища жизни внутренней, высшія стремленія духа? Не слѣдовало ли ожидать, что и онъ, подобно многимъ нашимъ поэтамъ, поклонится кумиру, называемому свѣтомъ, приобщится его злой пустотѣ, и въ погоню за успѣхами принесетъ не мало нравственныхъ жертвъ, въ ущербъ и правдѣ и таланту?

Но здѣсь-то и поражаетъ насъ своеобразность его духовной природы. Именно къ тщеславію онъ и былъ всего менѣе склоненъ. Можно сказать, что въ тщеславіи у Тютчева былъ *органический* недостатокъ. Онъ любилъ свѣтъ — это правда: но не личный успѣхъ, не утѣхи самолюбія влекли его къ свѣту. Онъ любилъ его блескъ и красоту; ему нравилась эта театральная, почти международная арена, воздвигнутая на общественныхъ высотахъ, гдѣ въ роскошной сценической

обстановкѣ выступаетъ изящная виѣшность европейскаго обществѣя со всею прелестью утонченной культуры; гдѣ,— во имя единства цивилизаціи, условныхъ формъ и приличій,— сходятся граждане всего образованнаго міра, какъ равноправная группа актеровъ. Но любя свѣтъ, всю жизнь вращаясь въ свѣтѣ, Тютчевъ ни въ молодости не былъ ни потомъ не сталъ „свѣтскимъ человѣкомъ“. Соблюдая, по возможности, всѣ виѣшнія свѣтскія приличія, онъ не рабствовалъ предъ ними душою, не повораялся условной свѣтской „морали“, хранилъ полную свободу мысли и чувства. Блескъ и обаяніе свѣта возбуждали его нервы, и словно ключомъ било наружу его вдохновенное, граціозное остроуміе. Но самое проявленіе этой способности не было у него дѣломъ *тщеславнаго расчета*: онъ самъ тутъ же забывалъ сказанное, никогда не повторялся и охотно предоставлялъ другимъ авторскія права на свои, нерѣдко гениальныя, изреченія. Вообще, какъ въ устномъ словѣ, точно такъ и въ поэзіи, его творчество только въ самую минуту творенія, не далѣе, доставляло ему авторскую отраду. Оно быстро, мгновенно вспыхивало и столь же быстро, выразившись въ рѣчи или въ стихахъ, угасало и исчезало изъ памяти.

Онъ никогда не становился ни въ какую позу, не рисовался, былъ всегда самъ собою, таковъ какъ есть, простъ, независимъ, произволенъ. Да ему было и не до себя, то-есть не до самолюбивыхъ соображеній о своемъ личномъ значеніи и важности. Онъ слишкомъ развлекался и увлекался предметами, для него несравненно болѣе занимательными: съ одной стороны блистаніемъ свѣта, съ другой — личною, искреннею жизнью сердца, и затѣмъ высшими интересами знанія и ума. Эти послѣдніе притягивали его къ себѣ еще могущественнѣе, чѣмъ свѣтъ. Онъ уже и въ Россіи учился лучше, чѣмъ многіе его сверстники-поэты, а германская среда была еще способнѣе расположить къ ученію, чѣмъ тогдашняя наша русская, и особенно петербургская. Переѣхавъ за границу, Тютчевъ очутился у самаго родника европейской науки: тамъ она была въ подлинникѣ, а не въ жалкой копіи или карикатурѣ, у себя, въ своемъ дому, а не въ гостяхъ, на чужой квартирѣ.

Окунувшись разомъ въ атмосферу стройнаго и строгаго нѣмецкаго мышленія, Тютчевъ быстро отрѣшается отъ всѣхъ

недостатковъ, которыми страдало тогда образованіе у насъ въ Россіи и пріобрѣтаетъ обширныя и глубокія свѣдѣнія. По свидѣтельству одного иностранца (барона Пфеффеля), напечатавшаго въ концѣ прошлаго года небольшую статью о немъ въ одной парижской газетѣ, Тютчевъ ревностно изучалъ нѣмецкую философію, часто водился съ знаменитостями нѣмецкой науки, между прочимъ съ Шеллингомъ, съ которымъ часто спорилъ, доказывая ему несостоятельность его философскаго истолкованія догматовъ христіанской вѣры. Тотъ же Пфеффель, вспоминая эти годы молодости Тютчева въ Мюнхенѣ, выражается о немъ слѣдующимъ образомъ въ одномъ частномъ письмѣ, которое намъ довелось прочесть: „nous subissons le charme de ce merveilleux esprit (мы находились подъ очарованіемъ этого диковиннаго ума)“. Не менѣе замѣчательенъ и отзывъ И. В. Кирѣевскаго, который, уже въ 1830 году, пишетъ изъ Мюнхена къ своей матери въ Москву, про 27-лтняго Тютчева: „онъ уже однимъ своимъ присутствіемъ могъ бы быть полезенъ въ Россіи: такихъ европейскихъ людей у насъ перечесть по пальцамъ“. Тютчевъ обладалъ способностью читать съ поразительною быстротою, удерживая прочитанное въ памяти до малѣйшихъ подробностей, а потому и начитанность его была изумительна, — тѣмъ болѣе изумительна, что времени для чтенія, повидимому, оставалось у него немного. Вообще, при его необыкновенной талантливости, занятія наукою не мѣшали ему вести, по наружности, самую разсѣянную жизнь и не оставляли на немъ никакой пыли труда, той почтенной пыли, которую многіе ученые любятъ выставять на показъ и которая такъ способна снискивать благоговѣніе толпы.

Могутъ замѣтить, что самая основательность пріобрѣтенной Тютчевымъ образованности достаточно предохраняла его отъ искушеній того мелкаго тщеславія, которое въ состояніи довольствоваться поверхностными успѣхами въ свѣтѣ или дешевою популярностью въ полуневѣжественныхъ кругахъ. Но для Тютчева, при богатствѣ его знанія и даровъ, существовала возможность искушеній болѣе высшаго порядка. Ему естественно было пожелать для себя не только извѣстности, но и славы. Десятой доли его свѣдѣній и талантовъ было бы довольно иному для того, чтобъ сумѣть пріобрѣсти почести и значеніе, занять выгодную общественную пози-

цію, стать оракуломъ и прогрешъ, особенно въ нашемъ отечествѣ. Если бы онъ хоть сколько-нибудь о томъ пострадался, молва о немъ пропущъла бы въ Россіи еще въ первой половинѣ его жизни, и слава умнаго человѣка и поэта не осѣнила бы его такъ поздно, и притомъ въ предѣлахъ только избранныхъ круговъ русскаго общества. Отъ времени до времени доходили, конечно, о немъ, чрезъ русскихъ путешественниковъ, извѣстія и въ Россію, подобныя отзыву Кирѣевскаго; но, тѣмъ не менѣе, имя его въ отечествѣ долго оставалось невѣдомымъ, и даже Жуковский, если не ошибаемся, уже въ 1841 году, встрѣясь съ Тютчевымъ гдѣ-то за границею, писалъ о немъ, какъ о какомъ-то неожиданномъ, пріятномъ открытіи. Мы уже знаемъ, какъ хлопоталъ онъ о своей стихотворческой извѣстности!.. Все блестящее соединеніе даровъ было у Тютчева какъ бы оправлено *скромностью*, но скромностью особаго рода, не выставлявшеюся на видъ и въ которой не было ни малѣйшей умышленности или аффектаціи. Эта замѣчательная психическая черта требуетъ пристальнаго разсмотрѣнія.

Если, несмотря на всѣ соблазны свѣта и увлеченія сердца, Тютчевъ даже и въ молодости постоянно расширялъ кругозоръ своей мысли и свои познанія, которымъ такъ дивились потомъ и русскіе и иностранцы, — все же было бы ошибкою предполагать здѣсь, съ его стороны, какое-либо дѣйствіе воли, нравственный подвигъ, побѣду надъ искушеніями, и т. п. Нисколько. Лѣнивый, избалованный съ дѣтства, непривыкшій къ обязательному труду, но притомъ совершенно равнодушный къ внѣшнимъ выгодамъ жизни, онъ только свободно подчинялся влеченіямъ своей, въ высшей степени интеллектуальной, природы. Онъ только утолялъ свой врожденный, всегда томившій его, умственный голодъ. Съ наслажденіемъ вкушалъ онъ отъ готовой трапезы знанія и разумѣнія, но никогда не удовлетворялся ею вполне; никогда не испытывалъ того самодовольства сытости, которое съ такою пріятностью ощущаютъ умы менѣе требовательные... Вообще, всякое самодовольство было ненавистно его существу.

Въ томъ-то и дѣло, что этотъ человѣкъ, котораго многіе, даже изъ его друзей, признавали, а можетъ-быть признаютъ еще и теперь, за „хорошаго поэта“ и сказателя острыхъ словъ, а большинство — за свѣтскаго говоруна, да еще

самой пустой, праздной жизни, — этот человек, рядомъ съ мѣткимъ, изящнымъ остроуміемъ, обладалъ умомъ необычайно прозорливымъ, не допускавшимъ никакого самообольщенія. Вообще это былъ духовный организмъ, трудно дающійся пониманію: тонкій, сложный, многострунный. Его внутреннее содержаніе было самаго серіознаго качества. Самая способность Тютчева отвлекаться отъ себя и забывать свою личность объясняется тѣмъ, что въ основѣ его духа жило искреннее *смиреніе*: однакожъ не какъ христіанская высшая добродѣтель, а, съ одной стороны, какъ врожденное личное и отчасти *народное* свойство (онъ былъ весь добродушіе и незлобіе); съ другой стороны, какъ постоянное философское сознаніе ограниченности человѣческаго разума, и какъ постоянное же сознаніе своей личности нравственной немощи. Преклоняясь умомъ предъ высшими истинами вѣры, онъ возводилъ *смиреніе* на степень философско-нравственнаго историческаго принципа. Поклоненіе человѣческому я было вообще, по его мнѣнію, тѣмъ живымъ началомъ, которое легло въ основаніе историческаго развитія современныхъ народныхъ обществъ на западѣ. Мы увидимъ, какъ рѣзко изобличаетъ онъ въ своихъ политическихъ статьяхъ это гордое самообожаніе разума, связывая съ нимъ объясненіе европейской революціонной эры, и какъ, наоборотъ, возвеличиваетъ онъ значеніе духовно-нравственныхъ стихій русской народности. Понятно, что если такова была точка отпращенія его философскаго міросозерцанія, то тѣмъ менѣе могло быть имъ допущено поклоненіе своему личному я. При всемъ томъ его скромность относительно своей личности не была въ немъ тѣмъ-то усвоеннымъ, сознательно приобрѣтеннымъ. Его я само собою забывалось и утопало въ богатствѣ внутренняго міра мысли; умалялось до исчезновенія въ виду откровенія Божія въ исторіи, которое всегда могущественно приковывало къ себѣ его умственные взоры. Вообще его умъ, непревынно питаемый и обогащаемый знаніемъ, *постоянно мыслилъ*. Каждое его слово сочилось мыслью. Но такъ какъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ былъ поэтъ, то его процессъ мысли не былъ тѣмъ отвлеченнымъ, холоднымъ, логическимъ процессомъ, какимъ онъ является, напримѣръ, у многихъ мыслителей Германіи: нѣтъ, онъ не разобщался въ немъ съ художественно-

поэтической стихіею его души и весь насквозь проникался ею. При этомъ его уму была въ сильной степени присуща *иронія*, — но не ѣдкая иронія скептицизма и не злая насмѣшка отрицанія, а какъ свойство, нерѣдко встрѣчаемое въ умахъ особенно крѣпкихъ, всестороннихъ и зоркихъ, отъ которыхъ не ускользають, рядомъ съ важными и несомнѣнными, комическія и двусмысленныя черты явленій. Въ ироніи Тютчева не было ничего грубаго, желчнаго и оскорбительнаго; она была всегда остра, игрива, изыщна и особенно тонко задѣвала замашки и оболъщенія человѣческаго самолюбія. Конечно, при такомъ свойствѣ ума, не могли же иначе, какъ въ ироническомъ свѣтѣ, представляться ему и самолюбивыя попопзновенія его собственной личности, если они только когда-нибудь возникали.

Но кромѣ того, его я уничтожалось и подавлялось въ немъ, какъ мы уже сказали, сознаниемъ недосыгаемой высоты христіанскаго идеала, и своей неспособности къ напряженію и усилію. Потому что, рядомъ съ его, такъ сказать, *безкорыстною*, безличною жизнью мысли, была другая область, гдѣ обрѣталъ онъ самого себя всецѣло, гдѣ онъ жилъ только для себя; всею полнотою своей личности. То была жизнь сердца, жизнь чувства, со всѣми ея заблужденіями, тревоженіями, муками, поэзіей, драмою страсти; жизнь, которой впрочемъ онъ отдавался всякій разъ не иначе, какъ вслѣдствіе самаго искреннаго, внезапно овладѣвавшаго имъ увлеченія, — отдавался безъ умысла и безъ борьбы. Но она была у него про себя, не была предметомъ похвалы и ликованія, всегда обращалась для него въ источникъ тоски и скорби и оставляла болѣзненный слѣдъ въ его душѣ.

Душа моя — элизіумъ тѣней,
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ години буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.
Душа моя — элизіумъ тѣней,
Что общаго межъ жизнью и тобою?...

Такъ высказывался онъ самъ въ своихъ стихахъ. Замыслы, радости и горе години не переставали однакожъ занимать и тревожить его умъ; страстныя увлеченія сердца не ослабляли дѣятельности его философской мысли, но они тѣмъ не менѣе вносили тягостное раздвоеніе въ его бытіе.

Ничто не могло омрачить въ немъ сознанія правды. Немерцающій свѣточъ ума и совѣсти постоянно разоблачалъ предъ нимъ всю тьму противорѣчій между признаваемымъ, сочувственнымъ его душѣ, нравственнымъ идеаломъ и жизнью; между возвышенными запросами и отвѣтомъ.

О вѣщая душа моя,
О сердце полное тревоги,
О какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ-бы двойнаго бытія!...

Этотъ крикъ сердечной боли, какъ бы невольно вырвавшийся изъ груди поэта, разрѣшается, чрезъ нѣсколько строкъ, воплемъ скорби и вѣрующаго смиренія въ слѣдующихъ стихахъ:

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя —
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа навѣкъ прильнуть...

Самая способность смиренія, этой силы очищающей, уже служить залогомъ высшихъ свойствъ его природы. Біографу Тютчева нѣтъ затѣмъ никакой недобности входить въ подробности этой стороны его существованія болѣе, чѣмъ сколько нужно для уразумѣнія его нравственнаго облика и сокрытыхъ мотивовъ его поэзіи... Но не въ одной этой области томился онъ внутреннимъ раздвоеніемъ и душевными муками.

Умъ сильный и твердый — при слабодушіи, при безсиліи воли, доходившемъ до немощи; умъ зоркій и трезвый — при чувствительности нервовъ самой тонкой, почти женской, — при раздражительности, воспламенимости, однимъ словомъ при творческомъ процессѣ души поэта, со всѣми ея мгновенно вспыхивающими призраками и самообманомъ; умъ дѣятельный, не знавшій ни отдыха ни истомы — при совершенной неспособности къ дѣйствию, при усвоенныхъ съ дѣтства привычкахъ лѣни, при неборимомъ отвращеніи къ внѣшнему труду, къ какому бы то ни было принужденію; умъ постоянно голодный, пытливый, серьезный, сосредоточенно проникавшій во всѣ вопросы исторіи, философіи, знанія; душа ненасытно жаждущая наслажденій, волненій, разсвѣнія, страстно отдававшаяся впечатлѣніямъ текущаго дня, такъ

что къ нему можно было бы примѣнить его собственные стихи про творенія природы весною:

Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита

Духъ мыслящій, неуклонно сознающій ограниченность человѣческаго ума, но въ которомъ сознание и чувство этой ограниченности недовольно восполнялись живительнымъ началомъ вѣры; вѣра, признаваемая сердцемъ, но не владѣвшая ими всецѣло, не управлявшая волею, недостаточно освящавшая жизнь, а потому не вносившая въ нее ни гармоніи ни единства... Въ этой двойственности, въ этомъ противорѣчии и заключался трагизмъ его существованія. Онъ не находилъ ни успокоенія своей мысли, ни мира своей душѣ. Онъ избѣгалъ оставаться на единѣ съ самимъ собою, не выдерживалъ одиночества, и какъ ни раздражался „безсмертной пошлостью людской“, по его собственному выраженію, однако не въ силахъ былъ обойтись безъ людей, безъ общества, даже на короткое время.

Только поэтическое творчество было въ немъ цѣльно: вслѣдствіе именно этой сложности его духовной природы, не могло быть въ немъ продолжительно, и вслѣдъ за мгновеніемъ творческаго наслажденія, онъ уже стоялъ выше своихъ произведеній, онъ уже не могъ довольствоваться этими неполными, и потому не совсѣмъ вѣрными, по его сознанию, отголосками его думъ и ощущеній; не могъ признавать ихъ за *дѣланіе* достаточно важное и цѣнное, достойно отвѣчающее требованіямъ его ума и таланта. А что требованія эти бывали велики, тревожили иногда его собственную душу съ настойчивостью и властью, что пламень таланта порою жегъ его самого и стремился вырваться на волю; что эти высокіе призывы, остававшіеся неудовлетворенными, наводили на него припадки меланхоліи и унынія, особенно въ тридцатыхъ годахъ его жизни, во время пребыванія за границей, гдѣ впервые, вдали отъ отечества, зашевелились и заговорили въ немъ всѣ силы его дарованій, гдѣ не могъ онъ порою не тяготиться своимъ одиночествомъ, — обо всемъ этомъ мы узнаемъ, отчасти, изъ сохранившихся писемъ его первой жены. Именно ради разсѣянія и отпросился онъ въ плаваніе, съ дипломатическими депешами, къ Ионическимъ

островамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также написанныя около того же времени слѣдующія два стихотворенія, представляющія, кромѣ своего высокаго достоинства, психологическій и биографическій интересъ. Первое изъ нихъ то самое *Silentium*, которое, напечатанное въ 1835 году въ „Молвѣ“, не обратило на себя никакого вниманія и въ которомъ такъ хорошо выражена вся эта немощь поэта — передать точными словами, логическою формулою рѣчи, внутреннюю жизнь души въ ея полнотѣ и правдѣ:

*Молчи, скрывайся и тай
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи.
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь;
Взрыва — возмутитъ ключи;
Питайся ими и молчи.
Лить жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ:
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣплять лучи,—
Внимай ихъ пѣнью — и молчи.*

Въ другомъ превосходномъ стихотвореніи эта тоска доходитъ уже до своего высшаго выраженія.

*Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгораеть,
И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожираеть,—
Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ.
О небо! если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волю,
И не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы — и погасъ!*

Но и потомъ, гораздо позже, нерѣдко вслѣдъ за игривымъ, шутливымъ словомъ, можно было подслушать какъ бы

невольные стоны, исторгавшіеся изъ его груди. Его умъ сверкалъ ироніей, — его душа ныла... А между тѣмъ не было, повидимому, человѣка пріятнѣе и любезнѣе. Его присутвіемъ оживлялась всякая бесѣда; неистощимо сыпались блестяи его чарующаго остроумія; жадно подхватывались окружающими его мѣткія изреченія, изъ которыхъ каждое было въ своемъ родѣ артистическимъ издѣліемъ самой тонкой, узорчатой, художественной чешанки; онъ плѣнялъ и утѣшалъ все вмещающее ему общество. Но вотъ, внезапно, неожиданно скрывшись, онъ — на обратномъ пути домой; или вотъ онъ, съ накинутымъ на спину пледомъ, бродитъ долгіе часы по улицамъ Петербурга, не замѣчая и удивляя прохожихъ... Тотъ ли онъ самый?

Стройнаго, худоцаваго сложенія, небольшого роста, съ рѣдкими, рано посѣдѣвшими волосами, небрежно осѣнившими высокій, обнаженный, необыкновенной красоты лобъ, всегда отгѣненный глубокою думою; съ разсѣяніемъ во взорѣ, съ легкимъ намекомъ ироніи на устахъ, — хилый, немощный и по наружному виду, онъ казался влачившимъ тяжкое бремя собственныхъ дарованій, страдавшимъ отъ нестерпимаго блеска своей собственной, неутомной мысли. Понятно теперь, что въ этомъ блескѣ тонули для него, какъ звѣзды въ сіяніи дня, его собственные поэгическія творенія. Понятны его небреженіе къ нимъ и такъ называемая авторская скромность.

Таковъ былъ этотъ своеобразный, высочодаровитый, смѣльный и смиренный мыслитель и поэтъ; таковъ былъ этотъ замѣчательный чековѣкъ, неотразимо привлекательный изяществомъ всѣхъ проявленій своего духа, — самымъ сочетаніемъ силы и слабости.

Аксаковъ.

Исторія литературы представляетъ иногда явленія, совершающіяся по законамъ умственной дѣятельности не общимъ, а какъ бы исключительнымъ. То, что называется постепенностію развитія, въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ талантовъ нерѣдко ускользаетъ отъ наблюденія. Ж. Ж. Руссо сорока лѣтъ вышелъ въ первый разъ на поприще писателей и занялъ между ними первое въ своемъ родѣ мѣсто. Этого нельзя иначе изъяснить, какъ глубокимъ въ раннемъ возрастѣ постиженіемъ важности призванія писателя. Безъ яснаго,

полнаго проникновенія въ тайны изящнаго искусства, молодому человѣку трудно, почти невозможно защититься отъ соблазна извѣстности и преждевременнаго попопзновенія къ славѣ.

Подобный примѣръ предохраненія себя отъ первоначальныхъ опытовъ поэзіи представляетъ въ нашей литературѣ Тютчевъ. Онъ только въ послѣдній годъ жизни Пушкина въ первый разъ напечаталъ въ „Современникѣ“ нѣсколько своихъ стихотвореній, исполненныхъ глубины мыслей, яркости красокъ, новости и силы языка. Во всемъ была опутительна свѣжая кисть художника. Онъ каждому предмету сообщаетъ ясный образъ, привлекательное положеніе и удивительную грацію. Въ изданіяхъ его нѣтъ того повторенія приготовленныхъ предшественниками формъ поэзіи, которое, свидѣтельствуя о безсиліи дарованія, успокаиваетъ автора близостію труда его къ современному успѣху.

Не станемъ поддерживать парадокса, что на подобныхъ людей только во второй половинѣ ихъ жизни нисходитъ вдохновеніе, и вдругъ изъ окриленнаго ихъ ума вызываетъ вполне возмужавшіе образы, на подобіе баснословной Минервы.

Вся тайна, какъ замѣчено выше, объясняется раннею жаждой истиннаго совершенства, настойчиво властвующаго надъ мелкимъ самолюбіемъ. Такимъ образомъ, Тютчевъ умѣлъ устроить изъ первоначальныхъ своихъ опытовъ потаенную лѣстницу, по которой поднялся на высоту прочнаго успѣха съ своей раннею любовью къ трудамъ умственнымъ, онъ ими питалъ умъ свой въ тишинѣ и размышленіяхъ. Дипломатическая служба, еще въ первой своей молодости, увлекла его за границу. Тамъ онъ еще болѣе почувствовалъ необходимость совершенствованія. Находясь долгое время близъ лучшихъ источниковъ просвѣщенія и образованности, естественно онъ становился строже. Иностранные языки, усвоенные имъ, какъ отечественный, представили ему средства не только извлекать изъ нихъ сокровища души, но и развертывать разнородныя силы ума въ собственныхъ работахъ, воплощая мысли въ этихъ новыхъ формахъ мышленія.

Въ литературѣ нашей смотрять на Тютчева только какъ на одного изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ. Но молодое поколѣніе писателей успѣло уже убѣдиться, какой тонкій и высокой критическій умъ соединяется въ немъ съ поэти-

ческимъ талантомъ. Его проникательный взглядъ, указывая на самыя живыя красоты всякаго новаго произведенія, въ то же время обнимаетъ значеніе общей идеи творчества, планъ исполненія ея, соразмѣрность и связь частей и всѣ необходимыя принадлежности искусства вообще. Если бы когда нибудь можно было, въ дополненіе къ небольшому числу изданныхъ имъ сочиненій, присоединить все, чѣмъ онъ увлекаетъ внимательный умъ, какъ публицистъ, какъ философъ, какъ историкъ и даже юристъ, то, безъ сомнѣнія, въ его лицѣ представился бы намъ замѣчательный человекъ нашего времени, не только по таланту и уму, но и по обширности современныхъ знаній.

Плетневъ.



- VII " О литературной дѣятельности Екатерины П. Ц. 1 р. 50 к.
 VIII " О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
 IX " О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
 X " О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
 XI " О просвѣщеніи въ XVIII ст. Ц. 3 р. 50 к.
 XII " О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
 XIII " О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной словесности и нижней словесности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8°, 659 стр.). Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Енатеринѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.) Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ заведеній (8°, 656 стр.). Ц. 1 р. 50 к. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р. (8°, 437 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Пушкинѣ.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 673 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ.) Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 632 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о С. Т. Аксаковѣ, Григоровичѣ, Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ. (8°, 733 стр.) Ц. 1 р. 25 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ.*

Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 11-е, исправленное и дополненное. Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для среднеучебн. зав., городскихъ и нач. училищъ, Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и Училь. Сов. при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 9-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія. Ц. 20 к.

Справочный географическій словарь. Изд. 5-е. Ц. 25 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

поступили въ продажу

только что отпечатанныя книги

В. Покровскаго:

Н. М. Карамзинъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

И. А. Крыловъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

В. А. Жуковскій. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

А. Н. Толстой. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

А. А. Фетъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

А. Н. Майновъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Ө. И. Тютчевъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.